

Орест Мацала

ЭХО ДИССОНАНСА

18+

Орест Мацала

ЭХО ДИССОНАНСА

«Автор»

2026

Мацала О. А.

ЭХО ДИССОНАНСА / О. А. Мацала — «Автор», 2026

Эта история — жанровый контрастный душ. Сначала вы почувствуете, как тишина сгущается перед бурей. Невероятно красивые явления природы оборачиваются смертоносной силой. Маленькая человеческая жизнь — песчинка в круговороте огромного торнадо. Куда занесёт эту песчинку? Для одних странные аномалии — лишь начало короткой истории. Для других, кому доступны все технологии мира, происходящее на Земле — кульминация, к которой готовились многие месяцы. Но истинные причины случившегося неподвластны ни тем, ни другим. Двум героям, чьи судьбы сплелись воедино, предстоит узнать правду, которая может оказаться совершенно иной, чем всё, к чему они готовились. А в подарок — притча. Она написана иным языком, но остаётся частью этой истории. Добро пожаловать в путешествие. Тайна останется с вами до самого финала. И её разрешение не будет похоже ни на что, что вы могли предположить.

© Мацала О. А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава	5
Предисловие	6
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ	7
Танец тумана	7
Предвестье	19
Обратно	23
Безопасные зоны	27
Другое начало	28
Одинокая дорога	31
ЧАСТЬ ВТОРАЯ	33
Гости	34
Аналитический отдел	36
Доклад	39
Сбор постоянных	43
После перерыва	46
Конец ознакомительного фрагмента.	49

ЭХО ДИССОНАНСА

Глава

Посвящаю папе.

Эхо его жизни на страницах.

Предисловие

Прежде чем вы начнете чтение, важно договориться: события «Эха диссонанса» происходят не в нашем мире. Это самостоятельная вселенная со своими законами природы, своей историей и метафизикой.

Бог, пророки, откровение — всё это плод моего воображения. Они не имеют отношения к реально существующим религиозным учениям. Я не реконструирую и не критикую наш мир.

Я просто строю свой — и приглашаю вас в него войти.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Танец тумана

Яркие лучи восходящего солнца пробивались сквозь ветровое стекло грузовика и слепили глаза.

Я опустил солнцезащитный козырек и смог разглядеть красивое зрелище, открывшееся моему взору. Необъятный край восточного Зауралья, покрытый холмами, лесом и мхом на камнях. Казалось, что облака опустились на равнину и окутали рельеф. Золотым светом наполнялось буквально всё, до чего могло дотянуться дневное светило.

Я остановился, достал свой дорожный термос с горячим кофе, до краёв наполнил кружку и под пьянящий кофейный аромат словно замер в этой прекрасной вечности, наслаждаясь моментом.

Наблюдая за этой картиной гармонии, я впервые заметил странное и необъяснимое для себя явление. Туман, который густым одеялом покрывал холмистую местность до самого горизонта, вибрировал и, словно рябь на водной поверхности, расходился в разные стороны. Складывалось впечатление, что сама атмосфера незримым давлением ударялась о пелену и порождала подобный удивительный эффект.

Тогда я не придал этому никакого значения. Счёл естественным, но странным движением воздушных потоков. Выглядело интригующе и в то же время завораживающе.

Конечно, я не единственный, кто наблюдал это явление.

Танец Тумана – называли его другие очевидцы.

Интернет стал наполняться фотографиями и видеороликами. В новостных сюжетах о погоде неоднократно упоминали об этом, а приглашённые метеорологи и климатологи наперебой давали феномену различные объяснения.

Я же продолжил свое движение на восток, к Великому Байкалу.

Однако странно вела себя не только природа.

В городах часто выли сирены – учебные тревоги, объясняемые подготовкой к нападению американцев, в которое никто особо не верил.

Я постоянно видел, как по дорогам снуют военные грузовики и автобусы. В последние полтора года подобная суета лишь учащалась без явных причин. Но уже пару дней большие колонны техники двигались только на запад, разжигая во мне подозрительность.

Больше всего меня поражали пассажиры. Они не были военными. В автобусах и кузовах грузовиков сидели обычные люди в гражданской одежде.

«Куда это их везут?» – мелькнуло в голове.

Отметив эти события, я двинулся дальше на восток.

Для большинства я дядя Саша. Мне приходилось часто менять род деятельности. За свои шестьдесят пять лет я успел поработать в строительстве дорог, в возведении домов, занимался фермерством, садоводством и виноделием. Я супруг, отец и дедушка. Множество и множество социальных ролей мне пришлось сыграть в своей жизни в поисках занятия, которое будет приносить мне не только средства для пропитания, но и внутреннее удовлетворение.

Некоторое непостоянство, авантюризм и, возможно, отсутствие строгой внутренней дисциплины не давали мне остановиться на какой-то одной деятельности. В итоге на седьмом десятке лет я нашел то, что давало моей жизни идеальный баланс – поддержание приемлемого достатка и получение истинного удовольствия от своей работы.

В дороге я видел особую романтику. Помимо того, что мне нужно было доставить груз до пункта назначения, я без ущерба заказчику смело съезжал с маршрута и посещал природные заповедники, лечебные природные источники, останавливался у крупных рек и озёр, чтобы немного порыбачить, а после приготовить уху и насладиться отваром из трав, которые собирал под ногами.

Буквально каждый день я видел новые, ранее незнакомые пейзажи. Встречал восходящее на востоке солнце, находясь на горных вершинах, и провожал его на западе с берегов озёр, окружённых нескончаемым лесным массивом.

В дороге я был предоставлен себе и словно забывал о той привычной суете, в которую меня вгоняла цивилизация с её мелкими запросами на создание домашнего комфорта и вечным соревнованием, чья лужайка пострижена ровнее.

С одной стороны, быть в пути на автомобиле – это безусловное использование результата технического прогресса, но с другой – именно этот технический прогресс позволял мне окунуться в океан безграничной дикой, а иногда даже девственной природы.

Чем дальше я уезжал от городов, тем больше мне нравился первозданный природный сад из хаоса различных кустарников и деревьев в сочетании с птицами и животными, вместе создающими удивительно гармоничную композицию.

В тот момент, снова находясь в пути и любуясь сюжетами природы, я даже представить себе не мог, что Танец Тумана окажется лишь первым камушком, скатившимся со склона горы и ставшим предвестником камнепада, который отразился на городах и всей человеческой цивилизации.

Явление, которое я никак не мог наблюдать с земли, стали описывать пассажиры самолётов. На следующий день после Танца Тумана по радио я услышал о Танце Облаков.

В стандартной метеорологической сводке ведущий поведал несколько схожих историй, но они пришли с другого края земли.

Описывался случай в Канаде. В сообщении говорилось, что пассажиры самолёта, следовавшего из Калгари в Торонто, наблюдали в своих иллюминаторах странное, совершенно необычное поведение облаков.

Небесная масса, как и в случае с туманом, словно ходила волнами от резкого, но не сильного воздействия атмосферы. Это не было похоже на порывы ветра, которые завивают облака. Скорее это было похоже на некое прямое вертикальное воздействие широким фронтом на отдельные участки неба – будто огромная невидимая ладонь касалась воздушного моря, как мы обычно касаемся неподвижной водной глади и наблюдаем за расходящейся рябью.

Описывалось не только поведение облачной массы, но и поведение самолёта, а также ощущения пассажиров при прохождении аномальных зон.

Не вызвало удивления, что воздушное судно испытывало на себе некоторую турбулентность. Вибрации авиалайнера были ощутимыми, но не сильными. Удивительнее звучал рассказ о том, что в этот момент пассажиров словно вдавливало в кресло. Хотя это давление и было не сильным, но подняться было сложно, будто силы оставляли всё тело.

Все пассажиры как один говорили, что, проходя этот участок воздушного пространства, они слышали звук, который порождал дрожь во всём теле. Он был похож на звучание октобаса, но не казался внешним. Звук порождался в сознании самого пассажира. Он был еле слышным и вызывал сильную тревогу.

В радиосводке сообщалось, что после приземления некоторым пассажирам понадобилась психологическая помощь.

Двигаясь по шоссе, я ещё некоторое время переваривал эту новость и сравнивал с тем, что видел сам. В тот момент до меня не доносилось какого-либо звука, и я не испытывал тре-

воги или паники. Как я и сказал, это было интригующее и завораживающее зрелище, но не более.

Предстояло двигаться к месту отгрузки около трёх дней до Култука – небольшого посёлка в Иркутской области.

Прибыв туда и после непродолжительного отдыха мне перепал быстрый рейс в Красноярск. Так и не насладившись видами Байкала, я снова отдалялся от него, пообещав себе обязательно вернуться и задержаться тут на несколько дней.

Как это часто бывает, уже через неделю ажиотаж вокруг странных явлений поутих, и информационный поток стал наполняться рядовыми новостями.

Доехав до Красноярска, я взял себе время на отдых.

Несколько лет назад, когда мой автомобиль некстати сломался именно в этом городе, я был вынужден простаивать в ожидании запчастей целую неделю, за что поплатился неслабой неустойкой перед грузоотправителем.

На тот момент я был крайне зол и находился в сильнейшем стрессе. Мне требовалась смена обстановки, чтобы хоть как-то отвлечься от поломки машины и всех вытекающих последствий. Поскольку до поставки запчастей я был абсолютно не властен над тем, чтобы хоть как-то ускорить починку автомобиля, было решено снять напряжение своим любимым занятием – рыбалкой.

Тогда, познакомившись с местными, я на пару дней уехал с ними в лес, где они показали мне небольшое лесное озеро с кристально прозрачной водой.

Вглубь лесного массива пришлось ехать чуть больше трёх часов по очень плохой грунтовой дороге с частым пересечением мелких речушек, попадавших на нашем пути.

Добравшись, я открыл дикий уголок, полностью лишённый какой-либо цивилизации. Озеро находилось в низине, окружённой возвышенностями, полностью покрытыми лесом. Деревья были достаточно высоко над поверхностью озера и словно наклонялись с обрыва в сторону водной глади, а некоторые из них, казалось, и вовсе вот-вот рухнут прямо в воду. Это было обманчивое впечатление, поскольку мощные корни простирались по каменным валунам и прочно окутывали их.

Благодаря тому, что кроны деревьев закрывают значительную часть озера, его практически не видно на спутниковых картах. Если в летнее время местность маскировалась листвой, то в зимний период, по рассказам моих новых друзей, поверхность озера полностью замерзала и покрывалась снегом, сливаясь с окружающим ландшафтом.

По причине того, что добираться сюда достаточно сложно и, не зная дороги, легко заблудиться, интерес у абсолютного большинства любителей рыбалки к этому месту отсутствовал. Здесь не было связи, водились дикие, непуганые человеком звери, и случись что – вряд ли можно было бы рассчитывать на помощь.

Помню, как на меня повлиял тот двухдневный поход. Что-то первобытное проснулось в глубинах моего естества.

Немолодые глаза, слух и нюх обострились в первую же ночь. Сначала я находился в целой симфонии звуков и запахов, но через некоторое время слух начал различать, словно укладывая по полочкам, различные источники звучания. Шелест листвы, травы, трение стволов деревьев друг о друга чётко определялись как признаки растительности и не требовали особой бдительности. Другие звуки подсознательно привлекали больше внимания. Например, свист рассеечения воздуха крыльями птиц, неестественный шелчок хвороста под чьей-то лапой или копытом. Это пробуждало генетическую первобытную память, расширяя границы чувств и интуиции.

Попав туда, в атмосферу первозданности, я совершенно забыл, что у меня где-то стоял гружёный автомобиль. Хоть и временно, но исчез моральный груз ответственности за процессы, происходящие во внешнем мире.

С товарищами мы приехали в лес чтобы порыбачить и пообщаться. Между нами не было какого-либо соревнования и конкуренции. Никто ни в чём не утверждался и не брал роль главного. Мы были погружены в процесс рыбалки и сопутствующего общения.

Пойманную рыбу мы либо жарили, либо готовили уху. Пили травяной чай, а некоторые из нас прикладывались к напиткам покрепче. Идеальная формула настоящего отдыха.

Лишь спустя время мне попала статья, что психологи видят рецепт идеального отдыха в отсутствии ответственности за что-либо и кого-либо, в отсутствии конкуренции и необходимости что-либо доказывать, а также в обязательном наличии удовольствия от событий и впечатлений для выработки эндорфинов. Всё это было в те пару дней.

Немудрено, что, оказавшись в орбите Красноярска и проехав огромное множество километров за рулём, мне захотелось снова окунуться в эту атмосферу.

Однако и здесь не обошлось без странностей.

На въезде в город меня остановили какие-то люди в форме ГАИ, но они были вовсе не на патрульной машине. Вместо неё – чёрный микроавтобус. Стёкла слегка тонированные, но всё же можно было разглядеть салон: он заполнен едва ли на треть – и там сидели какие-то люди. Один из них почему-то кричал на сотрудника ГАИ... если, конечно, тот вообще был сотрудником.

Ко мне подошёл один из полицейских. Но его вовсе не интересовали ни водительские права, ни документы на груз. Он только спросил мою фамилию, имя, отчество и дату рождения.

Сверился с каким-то списком в планшете, коротко велел ехать своей дорогой – и даже не попрощался, как положено по форме.

«Интересно, что за список?» – подумал я, но спросить не решился.

Ещё будучи в Култуке, я созвонился с Саввой. Приятный молодой человек тридцати лет, по совместительству водитель шишиги. До его отца Марка мне не удалось дозвониться, поскольку, как выяснилось позже, он был на делянке, заготавливал древесину, и там не было связи. Именно Марк несколько лет назад предложил съездить с его родными и приятелями к тому лесному озеру. Мы тогда познакомились в магазине запчастей, и он за небольшую плату предложил остановиться в их гостевом доме.

После короткого разговора Савва обещал перезвонить, уточнив у ребят, смогут ли они собраться именно в те дни моего приезда в Красноярск. Через полчаса он сообщил, что его отец и ещё несколько приятелей с радостью готовы совершить небольшое путешествие по прежнему сценарию; более того, они давно обдумывали подобную вылазку.

Разгрузившись, я оставил машину на охраняемой территории небольшого лесозаготовочного предприятия, на котором работал Савва.

Вместе с ним и его отцом мы поехали к ним домой. Там меня всегда были рады видеть. После первого знакомства с их семьёй я не потерял контактов и в знак благодарности иногда заезжал к ним на чай с небольшими сувенирами из мест, в которых побывал в своих поездках. Меня всегда очень тепло принимали.

К вечеру Марк затопил баню, мы наготовили шашлыков и здорово провели время.

Вставать пришлось очень рано, около двух часов ночи. Естественно, после распарки и плотного мясного ужина для меня это было непросто.

У дома Марка ближе к трём часам ночи стали собираться остальные члены походной команды. В итоге к лесному озеру отправились я, Марк и его сын Савва, друг Саввы Андрей со

своей девушкой Мией и двое соседей Марка – Клим и Макар, которые наслаждались пенсией, с радостью наполняя жизнь подобными вылазками.

Ещё до рассвета мы погрузились в кузов тентованной шишиги, расселись на специально оборудованные скамейки и не спеша выдвинулись в сторону леса.

Двигаясь некоторое время по асфальту, машина съехала на грунтовую дорогу, которая шла вдоль края леса. В какой-то момент Савва свернул, нырнув в лесной массив на практически незаметную колею, после чего со значительной тряской мы продолжили погружение в чащу, где лес уходил за видимый горизонт.

Примерно через сорок минут автомобиль остановился, чтобы мы передохнули от езды по ухабам и немного размяли ноги, а некоторые, возможно, имели иные небольшие нужды. Начало рассветать, и мы уже без дополнительного освещения могли ориентироваться на местности.

Спешившись, все сперва собрались вместе, чтобы переброситься дежурными фразами с уточнением, как переносится дорога. Условились, что далеко разбредаться не будем и через десять-пятнадцать минут выдвигаемся дальше.

Присутствие в нашей компании девушки вынудило всех соблюдать формальные нормы приличия, и желающим пришлось удалиться немного вглубь леса.

Получив пару ударов по лицу ветками деревьев и кустарников, я остановился.

Почему-то именно в этот момент меня словно оглушила необычность окружающей обстановки. Как только наша компания, хоть и ненадолго, разделилась, никто из нас не издал ни одного звука.

Я стоял и вслушивался в лес, но он совершенно онемел. Не было слышно птиц и насекомых. Не слышно моих попутчиков. Я не слышал даже ветра и звуков листвы.

Присмотревшись внимательно, стало очевидно, что воздух не движется. Деревья и ветки оцепенели. Не знаю почему, но эта обстановка вселила в меня какой-то мистический ужас.

Позабыв цель моего погружения в чащу леса, захотелось как можно скорее вернуться к ребятам. Я развернулся и быстрым шагом направился обратно.

В этот момент под ногами неестественно громко затрещали сухие ветки. Возможно, они также громко трещали, когда я только шёл к этому месту, но внимание на этом не заострял. Стоило вслушаться – и на фоне немого леса все прочие звуки воспринимались уж очень акцентированно.

До меня донёсся хруст сухих веток под поступью других ребят. Довольно синхронно мы все, отделившись от группы, испытали этот inferнальный трепет и устремились назад, наделав много шума.

От весёлой и непринуждённой атмосферы, которая царила в самом начале не осталось и следа.

Ни у кого не возникло явного желания развернуться и выдвинуться в обратном направлении. Подбежав к автомобилю, мы почувствовали огромное облегчение, увидев друг друга.

Марк, пытаясь придать непринуждённости своему тону и даже натянув левым уголком губ улыбку, как бы вскользь произнёс, что никогда тление табака не было таким трескучим. Он остался у машины и устроил перекур. С его слов, каждая затяжка замирала во времени. Он видел красный столб пепла словно в замедленной съёмке. Сбив его и засунув потухший окурок в специальную банку, он посмотрел на сына.

– Едем дальше? – уточнил Савва.

Мы молча подошли к заднему борту, не спеша взобрались на кузов и расселись по своим местам.

Двигатель звучно завёлся, и машина тронулась.

Ехали молча. В глазах моих попутчиков отчётливо проглядывалась бурная аналитическая деятельность. Они будто забыли изначальную цель нашей вылазки. Ни улыбок, ни предвкушения былого погружения в дикую атмосферу. На лицах ребят проглядывалось решение внутренних уравнений. Мысли, мысли, мысли, анализ, сопоставление.

Уверен абсолютно, что мои попутчики также, как и я, все эти предшествовавшие дни так или иначе слышали новости о необычных атмосферных явлениях, о странном поведении пассажиров канадского авиарейса, об их нетипичных ощущениях, но, вспоминая ту новость, говорилось о том, что пассажиры слышали некий звук. Мы же в свою очередь ничего не слышали. Только абсолютная тишина и страх.

В тот момент я счёл это вполне естественным для человека, который испугался остаться один в неизвестном лесу. Я был в полной растерянности от непонимания происходящего вокруг.

Чем больше мыслей было обо всём этом, тем сильнее я убеждался, что всё же попал в зону действия этого странного явления, поскольку реакции были для меня не совсем типичными.

В тот момент, когда я стоял там, погружённый в тишину, на какие-то секунды я потерял себя и словно вернулся в сознание. Это происходило одно мгновение. Не совсем верная аналогия, но это можно сравнить с ощущением, когда водитель засыпает за рулём и в какой-то момент начинает смещаться на встречную полосу и резко просыпается – словно собственный дух врывается в тело, вернувшись в самую нужную секунду. В лесу это произошло мягче. Гораздо мягче, но на какое-то мгновение это всё же произошло.

После возникло желание не просто в спокойном темпе вернуться к автомобилю и ребятам, а перейти на бег что есть мочи.

Какие разные воспоминания... Спустя минуты или часы вся та ситуация почему-то виделась куда более детализированной. В подобных мыслях мы ехали до самого лесного озера.

Добравшись до пункта назначения, Савва заглушил двигатель. Само собой, все сидели в кузове и не двигались. Слух пытался уловить любые звуки.

Сперва прозвучал лязг механизмов двери. Медленно вышел Марк. Он тоже сохранял бдительность. Неспешным шагом подошёл к заднему борту, открыл запоры и опустил лестницу. Все вздрогнули и отметили, что это было очень громко.

– Чего сидим? Спускаться будем? – буркнул Марк.

– Вы что-нибудь слышите? – обратилась ко всем Миа.

Выдержав секунд восемь, я сказал, что похоже единственным источником звуков являемся мы...

У меня сильно колотилось сердце, его стук отчётливо ощущался в груди и отдавался в гортани. Удовольствия я не испытывал...

Понемногу шум нашей деятельности начал наполнять округу, и произошло некоторое привыкание. Никто не хотел совершать ненужных действий, чтобы не породить лишних звуков.

Как-то незаметно и вроде бы вполне естественно мы перешли на шёпот, не придав этому значения. Нередко привлекали внимание друг друга жестами, если что-то можно было попросить или объяснить без слов.

Мы разбили четыре палатки. Поставили их полукругом и довольно близко друг к другу.

Клим и Макар взялись за обустройство кострища. Выкопали небольшое круглое углубление в земле и разместили в нём такой же круглый стальной очаг, привезённый с собой. Землю бугорком уложили по краям и установили треногу, на которую можно подвешивать походные котёл и чайник.

Я вместе с Андреем и Мией отправился собирать хворост. Как и в прошлую поездку, мы планировали провести два дня у озера, поэтому хвороста требовалось немало. Вязанка дубовых дров была в машине, но мы их брали на всякий непредвиденный случай.

Ребята не отдалялись от меня. Мы находились в зоне видимости друг друга, и это придавало чувство уверенности.

Наконец солнечный свет разлился по лесу. Я собирал хворост и вместе с тем смог хорошо разглядеть и понаблюдать за парочкой, с которой до этого не был знаком.

Андрею на вид было около тридцати лет. Достаточно рослый и крепкий парень. Он явно любил турник. Плечистый, с широкой спиной. Мне нравилось наблюдать за тем, какую, хоть и не явную, заботу он проявлял к своей девушке.

Миа при необходимости всегда могла ухватиться за ладонь Андрея, которую тот в свою очередь протягивал у выступов и ложбинок. Когда некоторые сделанные нами шаги эхом возвращались обратно, Андрей тут же вставал на траекторию Мии, защищая её от возможной опасности.

По кулакам этого парня можно понять, что он явно не прочь постоять в уличных спаррингах и при необходимости принять удары либо нанести их, если придётся. Мне он показался крутым и суровым, но то, каким взглядом он смотрел на Мию, умиляло. Андрей становился похож на кота с округлёнными и широко раскрытыми глазами. Он явно дорожил ей.

Миа была внешней противоположностью Андрея. Девушка на вид двадцати пяти лет со светлой чистой кожей, русыми волосами и очень красивыми славянскими чертами лица. Она словно тоненькая изящная тростиночка на фоне крепкого дуба – в самом лучшем смысле этого сравнения.

Шаги её были аккуратными, а прикосновения к Андрею хоть и скромными, но определённо нежными. Было видно, как, беря его за руку, взгляд Мии наполнялся уверенностью и спокойствием.

Она обладала приятным бархатным голосом с прекрасно поставленной и грамотной речью. Общей композицией своего образа она в некоторой степени напомнила мне сказочную принцессу.

Эта пара смотрелась очень гармонично. Я умилялся, наблюдая за ними, и отвлёкся от мыслей о мистической и пугающей тишине окружающего леса.

Мы сбились со счёта, сколько раз пришлось возвращаться за хворостом, но его в конечном счёте набралось предостаточно.

Марк и Савва занимались техникой, заранее готовили её к обратной дороге. Они сняли с кузова канистры с соляжкой и заполнили баки. Проверили уровень всех жидкостей в автомобиле, развернули его кабиной на обратный путь, прошлись по креплению тента и проверили его герметичность на случай дождя. Для удобства и лёгкой доступности к нашей поклаже оставили задний борт и лестницу опущенными.

Конечно, у нас были необходимые продукты на случай, если мы не сможем добыть пищу на озере, но хотелось бы пожарить свежепойманную рыбу и приготовить всеми любимую уху.

На часах было около одиннадцати утра, и пора бы готовиться к обеду.

Мужики взяли свои удочки, прикормку, наживку, раскладные стулья и направились к берегу.

Чуть раньше к озеру подошёл Клим. Мы направились к нему. Макар, который следовал впереди нас, резко остановился и, подняв руку, скомандовал прекратить движение.

Мы замедлились. Вышли из-за спины Макара и, поравнявшись с ним, остановились.

Всех насторожила неестественная поза Климa. Он будто оцепенел, склонившись над водной гладью, как и весь окружающий лес.

Неестественности позы Клима добавляло то, что он был довольно упитанным, и я в голове не мог уложить, как он до сих пор не рухнул в воду. Мы наблюдали за ним с минуту и точно так же, как и он, не пошевелили ни одним мускулом.

В этот момент Климу очень медленно стал поворачивать голову в нашу сторону, при этом тело было буквально обездвижено.

Он взглянул на нас округлившимися глазами, медленно поднёс указательный палец к губам и дал команду не издавать ни звука. После этого он столь же медленно ладонью поманил нас к себе, словно мы должны как мышки-разведчики подкрасться и увидеть то, что видит он.

Уверен, что не у меня одного возникло желание сделать ровно наоборот и попятиться подальше от озера: ведь казалось, что Климу был захвачен какими-то неведомыми силами и не руководил собой, а эти силы пытались нас заманить. Признаюсь, я даже отступил на пару шагов.

В этот момент Климу снова повернул голову и, увидев наше замешательство. Уже с раздражённым взглядом и более резкими рывками ладони он подзывал нас к себе.

Справившись со своей нерешительностью, мы очень медленно и аккуратно стали приближаться к Климу. Он тремя короткими рывками указательного пальца велел нам смотреть в озеро...

Тихая, недвижимая водная гладь.

Никакой ряби. Вода прозрачна настолько, насколько это возможно. Озеро было довольно глубоким, и дно резко уходило вниз, но видно было буквально всё.

Я смотрел в воду, похожую на кристально чистую застывшую эпоксидную смолу с невероятным пейзажем. Но больше всего поражала не застывшая гладь с её прозрачностью, а то, что также совершенно неподвижно застыла вся водная растительность и обитатели озера.

Это потрясло.

Я видел несколько рыб, которые были в позе незавершённого движения своих плавников.

Я видел косячок мальков, будто замёрзших в прозрачном льду.

Ум не находил объяснения тому, что видели глаза.

Уверен, всех волновал вопрос, что же чёрт возьми тут происходит?

В чувство нас привела Миа.

Она не была любителем рыбалки, о чём сообщила ещё до начала нашего путешествия, но ей нравилось читать книги в уединённой обстановке, вдали от суеты и цивилизации. Это позволяло ей полностью погрузиться в тот мир, с которым она сталкивалась на страницах любимых произведений.

До того, как мы спустились к озеру, в кострище был разведён огонь и расставлены вокруг раскладные кресла-шезлонги. Миа удобно разместилась в одном из них, взяла в руки книгу Эми Хармон «Потерянные сердца» и погрузилась в чтение. В какой-то момент она отвлеклась, посмотрев на «шестерых истуканов с острова Пасхи», склонившихся над лесным озером.

Она вскочила, подбежала к Андрею и за рукав потянула его к себе.

– Ты чего? Что с вами такое? – спросила она не без тени волнения на лице.

– Да там... Ты глянь... – ответил испуганно Андрей.

– Ещё чего! – утвердительно отрезала Миа и оттащила парня подальше. Она явно была напугана и растеряна.

– Миа, это не нормально. Надо валить отсюда – нервно прошептал Андрей.

Миа не услышала его комментарий и за рукав оттащила остальных, в том числе и меня.

Климу, глядя на нас, прошептал:

– Тишина, ветра нет, даже трава не колеблется. Птицы не поют. Шумим только мы. Озеро оцепенело – и уже чуть громче и с напряжением в лице – какого хрена?

Не выдержав внутреннего напряжения, я сорвался к канистре с холодной водой, налил её в кружку, умыл себе глаза и лицо, встряхнулся, взял первый попавшийся камень и направился обратно к озеру.

– Стой, стой, стой! – взмолился Клим, глядя на меня, решительно надвигавшегося на озеро словно варвар на римского легионера.

Со всей дури я швырнул камень в воду. Он звонко ударился о поверхность глади и совершенно естественно пошёл ко дну. Брызги разлетелись в стороны.

Я подошёл к озеру поближе. Оно было таким же чистым, но вся подводная фауна вышла из анабиоза и начала подавать признаки жизни.

Сперва нерешительно, но потом всё бодрее и бодрее рыбы и мальки стали расплываться в разные стороны.

– Разморозилось – с мнимой уверенностью и в полный голос произнес я – Наверное можно и порыбачить.

Все переглянулись...

– Так, приходите в чувства. Давайте-ка жажнем крепкого кофе – произнёс я, взяв на себя руководство, поскольку первый из присутствующих показал, хоть и наигранную, твёрдость духа.

Мы вернулись к кострищу. Набрали в чайник воду и подвесили его над огнём. Рядом я поставил походную кофеварку, размолот зёрна, забил их в устройство, залил воду, приготовил ароматный и довольно крепкий кофе для всех желающих. Я нуждался в этих привычных и выученных до автоматизма действиях.

Миа, Андрей и Макар налили себе чаю. Никто не присел. Мы стоя потягивали напитки и тихо обсуждали, как нам поступить.

Макар предложил снова подойти к озеру и глянуть, что там. Если озеро снова в заморозке, то, наверное, нужно сворачиваться. Кто его знает, чем это всё обернётся.

Все подошли к воде и с минуту наблюдали. Озеро ожило.

Каждый внутри себя колебался, но никому не хотелось так быстро срывать с места и снова собирать только что разбитые палатки, а также проводить в сложной дороге несколько часов, не отдохнув ни минуты с самого приезда.

Вернувшись к костру, я снова налил себе чашечку кофе. Остальные последовали примеру. Достали подтаявшие трюфельные шоколадки, чтобы восполнить упавший сахар. Не спеша, расселись в кресла-шезлонги и постарались рассуждать логически.

Пообщавшись, мы резюмировали следующее. Единственное, что нас испугало, – это окружающая тишина, оцепенение леса, временный анабиоз живности в воде и полное её отсутствие на земле и в воздухе. Однако никто на нас не нападал. Мы чувствовали себя физически хорошо и были в здравом уме. Имелись припасы, инструменты, аптечка со всем необходимым. Мы не нуждались в экстренной помощи. Машина проверена и готова к немедленному старту, если вдруг придётся сниматься с места. Связи не было, поскольку мы находились в глуши, но родные и близкие предупреждены о том, где мы находимся. В посёлке, где проживают все присутствующие, кроме меня, есть люди, которые знают дорогу к лесному озеру. Если прислушаться к здравому смыслу, а не к сжавшимся от страха ягодицам, то ничто не склоняло нас к

тому, чтобы быстро собраться и уехать. Это и стало определяющим в том, чтобы попробовать спасти отдых.

Миа больше не захотела оставаться одна и попросила, чтобы Андрей был с ней. Остальные решили сделать второй заход на рыбалку.

Первый улов у нас случился ближе к часу дня. Клим быстро среагировал на погружившийся поплавок и потянул удочку на себя. На живца попалась щука.

Мы все обрадовались этой добыче и торжественно похлопали его по плечу.

После Марком были пойманы два караса, и ещё одну щуку выловил Клим. Я в этот раз остался без добычи.

Весь улов отправился к кострищу, где «голубки» руководили кухней.

Миа сперва показалась мне немного «декоративной», поскольку она совсем номинально помогала нам со сбором хвороста и больше составляла компанию, нежели была нацелена на помощь, но, честно говоря, я и не ждал, что эта хрупкая девушка будет волочить сухие ветки.

«Декоративности» ей добавляла чрезвычайно миловидность её лица и образ романтической особы с книжкой в руке, но это впечатление было совершенно ошибочным. Стоило Мие взять нож и ухватиться за щуку, как она ловкими движениями очистила рыбу от чешуи и распотрошила, удалив всё лишнее. После чего она промыла и высушила тушку, обработала специями, чесноком, маслами и чем-то ещё, завернула в фольгу и приготовила на углях роскошное блюдо.

Признаюсь честно и не в обиду моей дорогой супруге, но это была самая вкусная щука, которую я когда-либо ел. Мы все отметили талант Мии и искренне благодарили за этот кулинарный шедевр.

Караси пошли на уху, которую мы ели на ужин. Миа волшебным образом справилась и с этим блюдом, явно воспряв духом от наших дифирамбов в её честь.

Но для хорошего настроения были и другие причины, которые взбудрили, а в последующем и развеселили всех присутствующих.

Макар явно разбирался в лесных травах. Прямо у лагеря он собрал небольшой букет из трав, который тщательно промыл и приготовил ароматный отвар. В маленьких двадцатиграммовых контейнерах он привёз с собой цветочный алтайский мёд и раздал каждому вместе с деревянными ложечками. Рассевшись в кресла-шезлонги, мы потягивали напиток глоток за глотком, разбавляя его вкус сладчайшим мёдом.

Неожиданно Андрей вскочил:

– На том берегу! – нервно тыча указательным пальцем жестикулировал он.

Мы всмотрелись и увидели грациозную косулю, которая медленно вышла из леса и подошла к озеру. Опустив голову, она испила воды.

Все начали медленно подниматься, будучи окрылёнными столь волшебным зрелищем.

Косуля заприметила движение. Она резко подняла голову и настороженно посмотрела на нас, сканируя ушами окружающее пространство.

Миа заторопилась к своему рюкзаку, чтобы достать смартфон и сделать фото, но как только она дёрнулась, животное рвануло вдоль берега и метров через пятнадцать нырнуло в лес.

Мы все были в большом восторге от увиденного. Миа хоть и огорчилась, что не успела запечатлеть этот момент, но улыбка долго не сходила с её красивого личика.

Переглянувшись, присутствующие улыбнулись друг другу и, словно обменявшись мыслями, набрали ещё по одной кружке отвара и вернулись в наши раскладушки.

Молча, не произнося ни слова, не желая спугнуть лесных обитателей, мы наблюдали за окружающей обстановкой в надежде заприметить ещё какое-нибудь животное. Я пребывал в

ощущении, что погружён в удивительный фильм, наполненный красками и звуками ожившего леса.

Пока горел костёр, мы здорово надымили, и первое, что заметили после визита косули, – как дым начал опускаться на землю, медленно, будто лава, сползая вниз к озеру. Бело-серая дымная масса, похожая на облако, опустилась на водную гладь, после чего начала медленно уплотняться, пока не превратилась в тонкий лист, окутавший значительную площадь озера.

При наличии малейшего движения воздуха мы никогда бы не увидели подобной красоты. Все были рады сдаться в плен нашему зрению и просто наблюдать за этой совершенно удивительной картиной. Ощущение времени было потеряно. Иногда память подсказывала, что у нас всё же есть руки, чтобы поднести отвар и мёд к губам, но в целом всё было отдано глазам.

Мы заметили, что на тонкой дымной поверхности озёрного покрывала начали появляться язычки, похожие на волны. Они двигались слева направо от нас.

– «Ветер»? – подумал я.

– Ветер – с придыханием произнесла Миа.

В этот момент к арсеналу чувств вернулось осязание. Лёгкий ветер коснулся щёк и губ. Он разбавил, а потом и вовсе разогнал запах спёртости, с которым мы успели смириться.

Некоторые вытягивали руки, чтобы насладиться тем, как воздух обтекает пальцы и ладони. Кто-то, закрыв глаза, касался ветра кожей лица.

Вместе с ветром вернулся шум листвы, жужжание насекомых и пение птиц.

Сделав вдох поглубже, гораздо ярче стали доноситься запахи окружающего леса.

Мы полной грудью втягивали воздух. Пытались различить как можно больше лесных нот. Ароматы дразнили наши рецепторы, играя на них, как на фортепиано.

Мир вокруг сбросил невидимые оковы, давая нам насладиться естественностью и нормальностью окружающей природы.

– Макар, это точно «обычный» отвар? – с иронией спросил Савва.

– Отвар не обычный, конечно, – с ухмылкой ответил Макар. – Он целебный, но, поверьте, ребятки, в нём нет ничего, изменяющего восприятие действительности.

И это было абсолютной правдой.

Каждый из нас почувствовал облегчение, что всё вернулось на свои места. Исчезли нотки гнетущего волнения и неопределённости. В тот момент я даже обрадовался, что нашему отдыху на озере предшествовала такая вот прелюдия.

Эти странные явления дали возможность взглянуть на наши чувства под другим, совершенно новым углом. Ощущения не просто обострились, как это было в первую поездку, но изменилось само отношение к ним. Было здорово осознать, что та естественность, которую нам даровал Создатель, является столь ценной.

Наша сладкая парочка, воспряв духом, решила на прогулку вокруг озера. Миа и Андрей медленным шагом брели вдоль берега и о чём-то разговаривали.

Я сидел у костра и решил ещё на какое-то время остаться зрителем этого кино, если можно так выразиться.

Клим с Макаром, расхрабрившись и развеселившись, довольно громко травили байки и гортанно смеялись, подпитывая своё настроение крепкой настоявшейся медовухой. Естественно, предложили пригубить и мне, но я не хотел изменять вновь обретенное мировосприятие, потому отказался.

Марк и Савва были нашими водителями, и один должен был сменить другого в случае чего, поэтому они не пили крепких напитков.

Савва выглядел довольно уставшим, поскольку всю дорогу до озера был за рулём, а в довесок ещё это оцепенение леса... Само собой, он самым первым покинул кострище и, забравшись в свою палатку, быстро уснул. Он проспал до самого утра, пропустив всё вечернее веселье и болтовню.

Когда наступили сумерки, у костра остались лишь я и Марк. «Голубки» уединились в свою палатку. Макар с Климом, изрядно упившись медовухи, заснули на шезлонгах. Я разбудил захмелевших ребят и не без труда проводил их, буквально неся на себе, до палатки, где они тут же снова заснули и захрапели.

Вернувшись к костру, мы долго говорили с Марком буквально обо всём. О моих недавних поездках, о родных, о новостях и, конечно же, не обошли тему странных природных явлений, которые происходили в разных уголках Земли, но он смотрел на это по-другому.

Марк поведал, что военные ведут себя странно и это не к добру. На лесозаготовочном заводе, где он трудился со своим сыном, всю продукцию последние месяцы скупали солдаты и увозили КАМАЗами, ничего не оставляя гражданским.

Ещё более странной казалась активность руководства предприятия, на котором он работал. Они проводили различные учения, которые никак не были связаны с безопасностью на производстве.

Регулярно приезжали неизвестные люди в гражданской форме, но в них чувствовалась военная выучка. Они устраивали собрания и рассказывали об адресах ближайших убежищ, обучали оказанию первой медицинской помощи и о выживании в диких условиях.

Коллектив становился подозрительным и нервным в такие дни. Никто не верил, что это всего лишь новые стандарты безопасности. Было ощущение, что что-то грядёт...

Со слов Марка, в последние пару месяцев начали исчезать люди. Взволнованные соседи звонили в полицию и сообщали о пропаже целых семей, но там лишь отмахивались, утверждая, что всё в порядке и люди просто переехали.

Я парировал его домыслы тем, что в новостях много говорили о возросшей военной активности американцев, и власти лишь проявляют должную предосторожность, но такая версия его не убедила.

– Саня, нашу бдительность усыпляют сказками о погоде, пока сильные мира сего к чему-то готовятся. Помяни моё слово, намечается какая-то заварушка, – говорил он.

Наговорившись вдоволь и с наступлением полной темноты, Марк почувствовал, что сон захватывает и его. Я пожелал спокойной ночи и попрощался с ним до завтра, а сам остался сидеть у тлеющих углей костра, любясь невероятным звёздным небом.

Предвестье

Поглубже закопавшись в плед, я не заметил, как провалился в сон.

Мне снилось, что я очень высоко, на воздушном шаре, и поднимаюсь всё выше и выше. Смотрю вниз – и земля удаляется, а наши палатки превращаются в маленькие точки.

В какой-то момент различить наш лагерь стало невозможно. Вдалеке виден Красноярск в ночных огнях. Я поднимался всё выше.

Сначала я находился в плетёной корзине зелёного воздушного шара. Неожиданно для себя понял, что на мне очень тяжёлый скафандр для выхода в открытый космос. Я начал оглядываться вокруг и осознал, что теперь нахожусь в композитной корзине, прикреплённой к огромному аэростату блестящего алюминиевого цвета. Двигаться в скафандре становилось всё легче, словно гравитация ослабевала. Я однозначно оказался в космосе.

Глядя на горизонт, отчётливо различалась атмосфера, которая подсвечивалась восходящим солнцем. Медленно начал появляться ослепительно белый диск нашей звезды, и я отвернул взгляд в сторону, боясь сжечь глаза, но понял, что могу опустить заслонку, которая отфильтрует свет. Опустив светофильтр, я всматривался в общую панораму.

Ко мне с невероятной скоростью приближался некий космический объект. Он становился всё больше и больше. В какой-то момент я смог распознать в нём Международную космическую станцию.

Мне показалось, что станция получила удар бокового ветра, сместившись ниже к Земле. «Какой ещё ветер в космосе?» – подумал я.

МКС перестала быстро приближаться, но не потому, что замедлялась. Это я набрал огромную скорость, почти поравнявшись с ней. Теперь я мчался позади станции и не отставал.

Взглянув в сторону от Земли, я увидел в космическом вакууме надвигающееся мерцание, будто свет играл на морской волне.

Огромная мерцающая масса становилась ближе и обрушилась всей своей мощью на некий незримый барьер, защищавший Землю.

Барьер продавился, и тут же появился второй мерцающий импульс, который врезался в нас.

Меня и станцию начало сносить с орбиты. Мы неслись на огромной скорости к Земле. Я видел, как МКС разваливается на куски, входя в плотные слои атмосферы.

Аэростат исчез так же неожиданно, как и воздушный шар до этого. Я был в одном скафандре и падал вниз. Защитная оболочка плавилась. Ужасный жар не давал вздохнуть. Стало невыносимо больно и страшно.

Я проснулся...

Вновь было слышно, как сильно бьётся сердце. Каждый удар отдавался в гортани. Лицо покрылось потом.

Я утёрся краем пледа и тут же скинул его на землю. Мне захотелось переодеться, и я немедленно направился в свою одинокую палатку, не обратив внимания на какой-то силуэт у озера.

«Может, показалось...» – подумалось мне, но не было никакого желания проверять это.

В палатке я снял всю одежду. Вытерся сухим полотенцем и надел сменное бельё. Я начал глубоко дышать и понемногу успокаивался.

Но меня всё же одолели подозрения. Я вспомнил, что на берегу озера, кажется, действительно был какой-то силуэт.

С предельной осторожностью я стал выбираться из палатки.

Уже не было кромешной темноты, но ещё тяжело было различить все детали окружающей обстановки. Присмотревшись, мне стало ясно, что некто сидит у берега.

Этот кто-то обхватил руками колени и уткнулся головой между ног. Я вытащил из кармана перцовый баллончик, взяв его в левую руку, в правую положил нож и начал медленно приближаться. В метрах пятнадцати от силуэта я понял – это Миа.

Она странно покачивалась в этой позе и издавала еле слышный стон. Убрав перцовый баллончик и нож в карманы, решение о дальнейших действиях пришло не сразу.

«Подойти к ней и предложить помощь или же разбудить Андрея и других ребят?» – спрашивал я себя.

Замешкавшись с секунду, я решил подойти и спросить, в чём дело и не нужна ли моя помощь, но никакой реакции на мой голос не последовало.

Я поспешил разбудить Андрея. Он безмятежно спал в своей палатке и явно не ожидал увидеть мою физиономию над собой.

– Что за чёрт? – взвизгнул Андрей, сильно округлив глаза.

– Скорее вставай, – ответил я. – У озера сидит Миа. Не пойму, что с ней. То ли ей плохо и больно, то ли ещё что.

Андрей начал одеваться, а я в это время не спускал глаз с Мии.

Молодой человек выскочил из палатки и не сразу сообразил, где она. Я указал рукой. Он тут же направился к ней, очевидно, как и я, не понимая, что происходит.

На суету за пределами своих палаток начали реагировать остальные. Сперва голову высунул Марк:

– Чё там?

Я лишь пожал плечами.

Вывалился из палатки Савва, протирая глаза и вопросительно смотря на происходящее. Далеко нетрезвые Клим и Макар также выползли из своих палаток.

В двух словах я объяснил, что у озера сидит Миа и ей, похоже, нехорошо, а Андрей пошёл узнать, можно ли что-то сделать.

Молодой человек пытался её приобнять, о чём-то спрашивал, но ничего не менялось. Миа продолжала сидеть и стонать.

Она сидела там в спортивном костюме и одних носочках. Камни на берегу были холодными. Я не понимал, как она не замёрзла, но, похоже, тепло и комфорт её вовсе не заботили.

Андрей исчерпал все вопросы, обращённые к девушке. Он медленно встал и подошёл к нам.

– Я не знаю, она ничего не говорит. Только стонет. Закрывает коленями уши и давит руками на ноги, чтобы сильнее сжать голову. Лицо уже стало бордовым. Что делать-то? – с претензией спросил Андрей.

Мы с минуту стояли в полной растерянности. Наши головы ещё плохо соображали. Макар и Клим вовсе не способны были включить своё сознание, но все, потупившись, смотрели на Мию.

Неожиданно до нас дошло, что вокруг снова было слишком тихо. Не слышно шелеста листвы, жужжания насекомых, криков животных и пения птиц. Всё оцепенело в каком-то томительном ожидании.

Стало возвращаться чувство нарастающей тревоги.

Взгляды привлекла вспышка в небе. Мы резко посмотрели вверх. Новая вспышка и длинный, быстро потухший плазменный след. Было похоже на метеорит.

Ещё одна вспышка, но длиннее и с более ярким плазменным хвостом. На этот раз след растворялся дольше.

В этот момент появился слабо улавливаемый звук. Это оно!

Звучание не было внешним. Оно пришло из глубины нашего сознания. Непрекращающийся аккорд того самого октобаса, о котором я раньше ничего не слышал, но после новости о канадском авиарейсе из любопытства нашёл видео в интернете. Сейчас я его ни с чем не спутаю.

«Как же давит», — подумал я, покосив голову и зажмурив глаза.

Потом добавились другие звуки. Шлепок за шлепком — словно молотком отбивали мясной стейк.

«А это уже не в голове», — отметил я про себя.

Мы разом обернулись. И увидели чудовищную картину.

Миа держала в руках два булыжника и то попеременно, то синхронно наносила тяжелейшие удары по своей голове. Камни тут же обагрились кровью. За считанные секунды это красивое личико было полностью обезображено. Белки глаз окрасились в алый цвет от лопнувших сосудов. Сам взгляд был полон ужаса и отчаяния.

На секунду мне показалось, что в её глаза вернулся разум и они молили о помощи, но то были мгновения, и девушка, стоя на коленях, снова и снова калечила себя.

Оправившись от шока, Андрей, Марк, Савва и я рванули к Мие.

Макар в диком изумлении стоял на месте, слегка пошатываясь и стараясь удержать свою тушку от падения.

Клим упал на колени, и его рвало от увиденного. Все его руки, подбородок и грудь были в рвотной массе.

Андрей поочередно вырвал булыжники из рук Мии, но она продолжала наносить себе удары голыми руками. Всё было в её крови.

Мы пытались удержать девушку за руки и за ноги, но невозможно было понять, откуда в таком хрупком, тонком и искалеченном теле столько силы. Наши ладони и кисти были в крови обезумевшей девушки и жутко скользили, не давая шанса её удержать.

Миа вырвалась и помчалась прочь вдоль берега озера в сторону небольшой возвышенности.

Андрей и Савва почти догнали её, но ни я, ни Марк не могли поспеть за ними. Наши немолодые ноги отказывались слушаться, и немедленно началась одышка.

Андрей почти схватил её, но она на всём ходу сбросилась с невысокого обрыва головой вниз, угодив между двух огромных камней, верхушки которых едва вылезали из-под поверхности озера.

Застрявшая под водой между камнями голова тотчас перестала подавать импульсы остальному телу, и оно обмякло.

Андрей стоял на этой возвышенности и смотрел вниз на мёртвое тело своей любимой. Потрясение и абсолютное непонимание этой трагедии не покидали его.

Сохраняя сумрачную надежду на чудо, Марк и я зашли в воду и попытались поднять девушку. Однако пришлось просить Савву сходить за монтировкой, чтобы высвободить Мию из этих каменных тисков.

Она была чертовски обезображена и несомненно мертва.

Мы несли тело Мии к лагерю, и казалось, что наши ноги были налиты свинцом.

«Что подвигло бедную девочку так с собой поступить?» — этот вопрос мочил каждого.

Мы взяли один из спальных мешков и аккуратно её положили, закрыв молнию до конца.

Пока здравомыслие присутствующих находилось в казематах потрясения, наши тела выполняли механические действия. Мы отнесли девушку к автомобилю и разместили в кузове. Сами стали спешно сворачиваться, желая как можно скорее убраться отсюда.

Вернувшись к обрыву за Андреем, мы буквально приволокли его к машине. Не было истерики, криков и конвульсий. Казалось, что для него время остановилось и он не принимал дальнейшее течение своей жизни, в которой не было любимой.

Мы решили не сажать парня рядом с телом Мии и посадили на пассажирское сидение в кабине. Было больно видеть, как этот молодой и сильный мужчина полностью утратил волю.

К моменту, когда вся поклажа была погружена в кузов и мы выдвинулись в дорогу, звук октобаса успел истерзать нас морально и нравственно.

Обратно

Дорога была омерзительной, тряска – чудовишной.

Сомневаюсь, что можно было подобрать слова, чтобы описать всю гамму отвратительных ощущений и мыслей. Я вцепился в скамейку одной рукой. Другой обхватил лоб, массируя большим пальцем висок и переносицу. Ужасно пульсировало в голове. Просто ужасно.

Этот истощающий звук... Он захватывал всё больше участков нашего мозга. То усиливаясь, то утихая, он изводил и лишал сил. Я просил Бога, чтобы это скорее закончилось.

Савва, как и мы, сражался с паникой, ужасом и бессилием от пережитого. Он вёл машину из последних сил и не пропускал ни одного валуна, наезжая на все препятствия.

Спустя почти два с половиной часа жёсткой езды и тряски автомобиль предательски встал.

Савва с трудом покинул кабину и подошёл к заднему борту. Мы увидели, что из его носа хлынула кровь, которая запачкала губы и подбородок.

Его отец, который, как и я, сражался с болью, заволок сына в кузов. Савва лёг на пол, рядом с телом Мии, сидеть он был не в состоянии.

Спрыгнув с кузова, Марк, шатаясь, направился за руль. Но мы не трогались.

Он вернулся обратно и попросил меня спуститься. Вдвоём мы подошли к кабине и увидели Андрея. Из носа и ушей вытекла кровь, которая успела запечься, глаза пустые. Очевидно, он уже какое-то время был мёртв.

У нас не было моральных сил, чтобы подготовить Савву, Клима и Макара к новости о смерти Андрея. Мы просто выволокли его с сиденья и положили в кузов рядом с телом Мии и стонущим Саввой.

Я не представлял, как держатся Клим с Макаром. Помимо ужаса в их глазах, им очевидно было дурно от выпитой прошлым вечером медовухи.

Макар был серо-зелёного цвета. Он прижался к дальнему углу кузова и держался как мог.

Клима продолжало рвать. Он наоборот был весь красный и периодически, прямо в кузове, сплёвывал желчь.

Марк из последних сил уселся за руль. Я накинул на пассажирское сиденье чью-то куртку, чтобы закрыть следы крови, и сел на неё.

Мы наконец снова тронулись.

Время от времени Марк рукой пытался отодвинуть какие-то несуществующие препятствия перед собой. Вероятно, ему что-то мерещилось или взгляд был затуманен. Он всё бормотал, что нужно спасти Савву.

Я вовсе не мог никуда смотреть. Правой рукой держался за ручку, левой я давил на виски, пытаюсь справиться с паникой и болью.

Внезапно шишига съехала с еле видимой лесной дорожки и втемяшилась в дерево. Благо, что удар был не сильный, но автомобиль заглох.

Марк потерял сознание. Я проверил его пульс и переволок на пассажирское сиденье. Его сердце ещё билось.

Раз за разом я проворачивал ключ зажигания, но двигатель не поддавался. В какой-то момент он всё же завёлся, и я сдал назад и снова оказался на дороге. Оставалось ехать совсем немного.

В зоне видимости уже был выезд на грунтовую дорогу, которая шла вдоль края леса.

«Ещё чуть-чуть – и помощь придёт», – думал я, черпая силы из неизвестных глубин.

Но двигатель снова предательски заглох.

Я вылез из кабины и посмотрел, есть ли хоть кто-нибудь в кузове, кто в состоянии повернуть кривой стартер, чтобы завести двигатель, и к своему удивлению обнаружил, что Климу,

кажется, стало легче. Едва придя в себя после испытания, свалившегося на его тело и разум, он согласился мне помочь.

Для него пришлось откинуть борт и спустить лестницу. Этот упитанный товарищ был не в состоянии преодолевать препятствия, как мне тогда показалось.

– Ребят, простите... я бы помог, но еле держусь, – промямлил Макар.

В какой-то момент мы утратили надежду оживить мотор. Было решено оставить автомобиль и выйти из леса пешком, чтобы наконец позвать на помощь либо попасть в зону действия сотовой связи.

Нас осталось трое – тех, кто был в сознании. Я, Клим и Макар.

Мы побрели, еле волоча ноги, из леса на грунтовку.

Выбрались из чащи, достали свои смартфоны и попытались дозвониться до экстренных служб, но сотовой связи не было.

Решили выйти на шоссе и остановить какой-нибудь автомобиль.

Выбравшись из кювета, мы перелезли через отбойник и увидели мир, который покидала цивилизация и здравый смысл.

Буквально в трёхстах метрах от нас на противоположной стороне лежала фура. Она пробила ограждение. Кабина была полностью разможена. В такой аварии выжить невозможно.

Глядя вдаль, мы увидели разбитые легковые автомобили, грузовики и автобусы.

Откуда-то начал доноситься звуковой сигнал экстренных служб. Нам навстречу, в сторону Красноярска, на всём ходу ехал КАМАЗ красного цвета с включёнными проблесковыми маяками и сиреной.

Мы махали руками и пытались остановить его, но метров за пятьдесят из громкоговорителя прокричали:

– ВАЛИТЕ С ДОРОГИ!

Он чуть не снёс нас. Чудом удалось не попасть под колёса.

Но не проехав и нескольких сотен метров, мы снова увидели страшную картину. Откуда ни возьмись, вышла девушка и побежала навстречу мчащейся машине.

Поразило не то, что водитель сшиб её словно муху и она этого очевидно добивалась, а то, что он даже не остановился и просто продолжил на полном ходу мчаться в сторону Красноярска.

От увиденного Клим, вероятно, утратил остатки контроля над собой. Он без слов повернулся и побежал вперёд, вдоль дороги.

Я даже не окрикнул его. Видел лишь, как торчащее брюхо, словно желе тряслось во время бега от перестановки упитанных ног.

Макар похоже был морально добит. Он обречённо произнёс:

– Нет больше надежды... это конец...

Его пошатнуло к отбойнику, где он сполз на землю и продолжал сидеть с абсолютно подавленным и безучастным выражением лица. Тогда я видел его в последний раз.

Не опуская руки, я решил расставить приоритеты и действовать.

Все мои родные были в Подмоскowie, за тысячи километров отсюда. Я страшно волновался за них, но в условиях отсутствия связи не мог никому ни позвонить, ни написать.

Неподалёку в лесу были мои друзья Марк и Савва. Они, вероятно, были живы и всё ещё нуждались в помощи. Как мне казалось, я ещё мог их спасти.

Мне нужна была любая связь, и я помчал машинам на трассе.

В глаза бросился новенький пикап Toyota Tacoma. Просто чудо какое-то. Автомобиль стоял с работающим двигателем. Он будто прекратил движение и остановился посреди проезжей части. Двери были заперты, и я разбил заднее боковое стекло.

Внутри автомобиля находилось бездыханное тело молодого человека. Видимо, он скончался по тем же причинам, что и Андрей.

Я будто перестал бояться мёртвых тел. Забрался в салон и обнаружил работающую радиостанцию. Нервно перебирая каналы, я поймал сигнал:

– «Безопасные зоны! Внимание! Безопасные зоны! Южный федеральный округ, Центральный федеральный округ, Северо-Западный федеральный округ, Приволжский федеральный округ!» – сообщение прекратилось.

Через минуту снова то же сообщение. Оно повторялось из раза в раз.

Я взглянул на лицо умершего бедолаги. Синяя кожа, запёкшаяся кровь из носа, ушей и глаз.

Обратив внимание на себя, я понял, что это звучание в голове словно затихло и перестало сводить с ума. Голова не так сильно пульсировала. Мне стало физически немного легче.

Я аккуратно выволок этого парня и положил тело у обочины. Сам сел за руль и направился к съезду на грунтовую дорогу.

Радио не переставало возобновлять сообщение о безопасных зонах.

Задним ходом я въехал на лесную колею и, проехав около трёхсот метров, добрался до брошенной шишиги.

Обессиленного Марка я застал около заднего борта автомобиля. Он, видимо, пытался забраться в кузов и проверить Савву, но ему не хватило сил. Я помог другу встать и отвёл угнанный пикап.

– Не оставляй его здесь! – проговорил Марк.

Я понял, что он говорит о Савве. Подойдя к заднему борту, из кузова не доносилось ни звука. Взобравшись, я прикоснулся к Савве – и он уже был холодным.

Марк всё понимал. Он лишь хотел забрать отсюда сына и вернуть домой. Я приволок тело парня и погрузил в пикап.

Примерно через сорок минут мы подъезжали к дому Марка. По пути видели много трупов молодых людей. Встречалось много мёртвых стариков, но некоторые, вроде меня держались. Молодые умерли поголовно.

Савва был не единственной утратой, с которой столкнулся Марк по приезду домой. Мертва была вся его семья.

– Мне нужно вернуться к своим. Они в безопасной зоне, – тихо и сочувственно проговорил я.

– Давай занесём Савву и ездай к родным, – еле живым голосом ответил Марк. – В гараже несколько канистр с бензином. Заправься. С собой возьми сколько сможешь.

Я не нашёл слов для друга. В глазах Марка оставалась воля к тому, чтобы попрощаться с родными, но не более.

В гараже действительно было топливо. Я заправил полный бак и четыре большие канистры погрузил в кузов.

На выезде из посёлка я остановился у продуктового магазина, набрал много воды, фруктов и шоколадных батончиков. Можно было бы ожидать, что в такой обстановке магазин будет обчищен, но к полкам не притронулись.

Вокруг царили смерть, скорбь и ужас...

Безопасные зоны

Мне предстояло преодолеть более четырёх тысяч километров в надежде увидеть родных. Я был полон решимости сделать это, предполагая, что объявление МЧС о безопасных зонах, что не умолкало по радио, всё ещё актуально. Оно вселяло в меня надежду и придавало сил.

Наступила ночь, а я всё мчался без остановки. По пути мне часто приходилось объезжать автомобили с мертвецами. Жуткое зрелище, но я перестал удивляться.

В полночь текст сообщения изменился. Сейчас это стало похоже на краткую информационную сводку:

«Внимание! Безопасные зоны сохраняются на следующих территориях:

Южный федеральный округ, Центральный федеральный округ, Северо-Западный федеральный округ, Приволжский федеральный округ!

Если Вы живы и можете добраться до безопасных зон, Вас ждёт отдых, еда, вода и связь. Мы столкнулись с угрозой планетарного масштаба. Нам не известна причина массовой гибели граждан. Можем сказать определённо, что это не вирус. Инвазивные причины также исключаются.

За пределами безопасных зон дети погибают от кровоизлияний сразу после первых признаков оцепенения.

Самыми частыми причинами смертей являются членовредительство и последующее самоубийство. Подобная смерть, как правило, преследует молодых детородных женщин.

Молодые мужчины, как и дети, чаще умирают от кровоизлияний.

Влияние на лиц пенсионного возраста уточняется.

Повторимся! Угроза планетарного масштаба! По имеющейся информации, с массовой гибелью граждан столкнулись практически все государства планеты.

Инциденты наблюдаются на территориях Китая, Индии, Японии, США, Канады, Бразилии, всего африканского континента и в других уголках Земли.

На сегодняшний день мы не знаем, с чем столкнулись. Единственное, что мы можем сообщить, что имеются незатронутые безопасные зоны, где инциденты практически не наблюдались.

Напомним, на данный час безопасные зоны сохраняются на следующих территориях:

Южный федеральный округ, Центральный федеральный округ, Северо-Западный федеральный округ, Приволжский федеральный округ!

Находясь за пределами вышеперечисленных зон, Вы рискуете столкнуться с неизвестной нам угрозой. Используйте аналоговые средства связи! Сообщение окончено».

– Надежда есть..., надежда есть..., надежда есть... – как мантру повторял я себе.

Ночное небо озарилось вспышками. Это было где-то сзади. Я начал смотреть в зеркала.

Ещё одна вспышка, но я ничего не увидел.

Замедляя автомобиль, я прижался к отбойнику, остановился и вышел посмотреть. Мой взгляд был устремлён назад, на проделанный путь, но кроме звёздного неба ничего не бросалось в глаза. Вокруг стояла цепенящая тишина.

Новый всполох света. Яркая комета пронеслась за горизонт. Показалось, что она развалилась в атмосфере и отделившиеся метеоры создали свои веточки плазменных следов.

Другое начало

Донёлся какой-то гул. Он нарастал, а его источник приближался.

Ударил яркий свет. Я вскинул руки, закрывая глаза. Мимо меня промчался внедорожник. Он двигался с выключенными фарами и, приближаясь ко мне, резко включил их, ослепив на несколько секунд. Не остановившись, он промчался на полном ходу и устремлялся всё дальше. «Как неприлично», – с иронией подумал я и запрыгнул в машину.

– 223, приём! – раздалось из рации.

– 223, приём! – повторилось вновь.

Я не мог понять, кого он там вызывает.

– 223, приём! Ты меня слышишь, мужик на чёрном пикапе? – настойчиво раздалось из рации.

Преодолев много километров, я ни разу не встретил других водителей. Машины лежали в кювете, были разбиты в авариях, некоторые просто остановились. Кроме меня, никаких признаков жизни. Вероятно, этот лихач обращался ко мне. Но почему 223?

Я открыл бардачок и увидел сумочку с документами. Взял свидетельство о регистрации ТС и посмотрел на номер автомобиля, которым управлял.

– «В 223 НН... Да, он обращался ко мне», – подумал я и взял рацию.

– 223 на связи. Ты ослепил меня! – буркнул я.

Последовало непродолжительное молчание.

– Больше не останавливайся. Видишь падающие спутники – газ в пол. Иначе сплавятся мозги, – прозвучало довольно заботливо из радио.

«Падающие спутники?»

– С чего ты взял, что это спутники? – обратился я к собеседнику.

– Поверь мне, это спутники. Спутниковой связи больше нет. А те, что остались, сейчас используются в правительственных или военных целях. Но, скорее всего, и они сойдут с орбит, – ответил собеседник.

– Сутки назад я был в походе, где не было связи с внешним миром. Мои друзья начали умирать один за другим, но я смог выбраться. Правда... цивилизации уже не было. Ты знаешь, с чего всё началось? С чем мы столкнулись?

Несколько секунд был небольшой фоновый шум, но собеседник молчал, словно собираясь с духом.

– Я заканчивал ночную вахту. Работаю в больнице.

Пхе...

Работал! В охране.

В группах и каналах на МАХ начали рассылать видео падающих спутников. Сперва над Китаем. Потом над Штатами. Канадой. К полудню новости приходят перестали. Легла связь.

Но последняя новость пришла как чрезвычайная. Сошла с орбиты МКС и сгорела в атмосфере со всем экипажем.

Все были как бы... в шоке... – последовала короткая пауза.

Потом он продолжил:

– Я от больницы недалеко живу, и мой сменщик прибежал примерно в полдень и говорит, что творится какая-то дичь. Молодые девчата себя калечат. Персонала не хватает. Пытаются вызвать кого-нибудь, но связи нет. Собирают кого могут. Даже с улицы зовут ребят на помощь.

Я собрался и пошёл в больничку. Подхожу, а у дверей люди толпятся. В основном папаши с дочками лет четырнадцати – шестнадцати. Все стонут. Бьются в конвульсиях. Некоторые изуродованы...

Мамашки в панике, орут, не понимают, что происходит.

Я тоже ничего не понял. Просто вошёл через служебный вход и выполнял команды... – он снова прервался.

По радио было слышно, как мой собеседник глубоко дышит, успокаивая себя.

Немного успокоившись, он рассказывал дальше:

– Чем было, девочек связывали. Все койки забиты. Мужики, что есть сил, их держали. Отвратительная картина.

В какой-то момент, когда эти девочки не могли изуродовать себя и самоубиться, у них из носа, ушей и глаз проступала кровь, и прямо в койках они умирали.

Жуткое зрелище.

– Всё, что делали в больнице, было бесполезно, – удручённо отметил мужчина. – Мы успевали только трупы в морге складывать, а потом у морга.

Потом их складывали прямо в покоях.

Насмотревшись, я просто ушёл оттуда. Взял и ушёл. Никто ничего не понимал.

Пока шёл домой, на моих глазах эти маленькие девочки калечили себя и убивались. Одна ходила со спицами в окровавленных ушах. Представь? А потом просто кинулась под колёса.

К ночи весь город был в трупах молоденьких девчат.

Переведя дух, собеседник продолжал рассказ:

– В тот же день, к вечеру, стали умирать мальчишки. В морге экстренно парочку вскрыли. Все как один – с обширным кровоизлиянием в мозг.

– Просто безумие... Тотальное безумие, – констатировал он. – Я попробовал вздремнуть у себя, но перед рассветом вскочил как ужаленный. Зазвенело в ушах. Омерзительный звук, прям с ума сводил. Я подумал, что всё, сейчас вскроюсь.

Выполз на улицу, там Славик, сменщик мой. Тоже стоит, корчится. Говорит, что у больницы давка. Делать там нечего.

Стали привозить девчат постарше. Парней привозят уже трупами и просто бросают у входа штабелями.

Мы доползли к нему домой. Обдолбались обезболивающими и начали крутить радиостанцию.

– Оказывается, «объявлено чрезвычайное положение», «МЧС ведёт сбор данных», «ждите инструкций», «работает федеральный чрезвычайный штаб» и всё в этом духе, – как

бы передразнивая и с иронией, путник продолжал рассказ. – Смотри на всё это, я понял, что самые молодые умерли самыми первыми. Дети, подростки... С каждым часом возраст умирающих возрастал.

– Как только власти поняли, что такая дичь не во всей стране, они сообщили об этом и объявили «безопасные зоны». Сказали выбираться самим. В опасную зону никого не отправят. Боятся воздействия угрозы неизвестного происхождения.

Сообщили, что там, где видно падение спутников, однозначно опасная зона! – твёрдо произнёс мужчина, а потом продолжил:

– Я так-то сирота. Родных, близких нет... Ни жены, ни детей нет. Цепляться не за что. Сел в машину и поехал... Приём. – Мужчина завершил рассказ.

– Тебе сколько лет? Как зовут? – спросил я.

– Шестьдесят шестой год. Сергей, – ответил он.

– Саша, – представился я. – Старики мы с тобой, потому и выжили.

– Да погоди ты ещё радоваться. Я за сегодня несколько раз чуть не помер. То сердце, то обморок. Только сейчас чуть силы появились – сказал Сергей.

Неожиданно появились помехи и белый шум. Пропала радиосвязь. Я нервно переключался с канала на канал, но всё было бесполезно.

Одинокая дорога

Периодически в небе появлялись всполохи света, но я стал воспринимать их как этот шум в голове, который не исчезал уже много часов.

Пустые дороги говорили лишь об одном. В опасной зоне практически нет выживших.

Я помню, как пересекал по мосту Обь. Проехал Каму. Пересёк Волгу в районе Казани.

По дороге мне несколько раз встречались дома со светом внутри, но я не знал, были ли там живые люди. Откровенно говоря, мне не хотелось это узнавать.

Я позволил себе несколько передышек для перекуса и сна.

Просыпаясь, мне думалось, что сейчас открою глаза – и всё будет в полном порядке, и это был лишь дурной сон, но, к своему разочарованию, я вновь оказывался в этом кошмаре.

Граница «безопасной зоны» пересечена... но картина, которая представилась здесь, была такой же чудовищной, что и в других местах до этого.

Неужели мир разрушен? Неужели надежды больше нет...

Передо мной встал выбор: ехать по прямой дороге по М12 в Москву либо же сделать крюк по М7 через Чебоксары, где жила моя сестра. По пути именно она была моим самым ближайшим родственником. Там же, в пригороде, у меня был летний дом, куда можно было бы заехать и перевести дух.

До моей жены, детей и внуков мне требовалось ехать ещё полтора дня. Но я был невероятно утомлён. Решено сделать небольшой крюк.

Мной руководил страх, что, приехав в Подмоскowie, я столкнусь лишь с горем, скорбью и смертью... Сделав крюк через дом сестры, я продлю время неопределённости и хоть какую-то надежду, что впереди меня может ждать чудо.

Стоило мне заехать в родные Чебоксары, я заметил, что высотные постройки покрылись каким-то красно-коричневым налётом, который до этого я нигде не замечал.

По дорогам, как и везде, стояли разбитые автомобили. Лежали люди самых разных возрастов. В этот момент я убедился, что сестру больше не увижу.

На капоте пикапа тоже появился этот непонятный коричневатый налёт. В какой-то момент машина начала дёргаться и заглохла. Я был уверен, что топлива предостаточно, ведь буквально два часа назад залил полный бак из запасов, но техника полностью отказала.

Я начал задыхаться. Не мог набрать воздуха в лёгкие. Было больно в груди.

Дёрнув за ручку, я открыл дверь и вывалился из автомобиля. На лбу проступила испарина. Машинально рукой я стёр её. Руки стали рыскать по карманам, пытаюсь найти какие-нибудь таблетки, но ничего не было.

Паника брала вверх над самообладанием.

Было до ужаса обидно, проделав такой путь, найти свой конец в одиночестве, вдали от родных стен и любимых людей. Не знаю почему, но мысли об этой чудовищной несправедливости стали вытеснять панику, и вперёд вышла злость... Кажется, воздух снова наполнял лёгкие.

Постепенно отступила и злость.

Удалось подняться на ноги.

Медленно я осматривал некогда живой город. Глаза хотели зацепиться хоть за что-нибудь, что вновь вселит надежду на чудо, но ничего не было. Сейчас я сталкивался лишь с тишиной и смертью...

Я плакал... от бессилия и отсутствия надежды... но я вспомнил молитву и полупшепотом произнёс её:

«Господи, дай мне с душевным спокойствием встретить всё, что принесёт мне наступающий день.»

*Дай мне всецело предаться воле Твоей Святой.
На всякий час сего дня во всём наставь и поддержи меня.
Какие бы я ни получал известия в течение дня, научи меня принять их со спокойной душой и твёрдым убеждением, что на всё Святая воля Твоя.
Во всех словах и делах моих руководи моими мыслями и чувствами.
Во всех непредвиденных случаях не дай мне забыть, что всё ниспослано Тобой.
Научи меня прямо и разумно действовать с каждым членом семьи моей, никого не смущая и не огорчая.
Господи, дай мне силу перенести утомление наступающего дня и все события в течение дня.
Руководи моею волею и научи меня молиться, верить, надеяться, терпеть, прощать и любить.
Аминь».*

Произнесённая молитва словно спасательный круг удержала меня на плаву и не дала кануть в бездну отчаяния. Я решил испить чашу жизни до самого конца, пока бьётся сердце.

Собрав остатки воли в кулак, я направился в пригород Чебоксар, в деревню, где стоял мой летний дом. Какие бы испытания ни ждали впереди, хотелось встретить судьбу в родных стенах.

Было тяжело волочить ноги, но шаг за шагом, и спустя около трёх часов мне удалось добрести до деревни.

Я заметил, что странным красно-коричневым налётом были покрыты маленькие частные коттеджи. Он оседал на моей одежде и разъедал всё, с чем соприкасался.

Частицы этого вещества стали попадать в лёгкие. Начался кашель.

Я упал на четвереньки, но внутренняя упёртость говорила продолжать двигаться до самого конца. Воля не иссякла!

Оставалось совсем немного, но силы всё же покидали меня.

В полуобморочном состоянии я потянулся к ручке двери своего дома, но мне так и не удалось попасть внутрь.

В какой-то момент мне показалось, что вокруг образовался вихрь и я начал тонуть в какой-то жидкости. Лёгкие силились набрать воздуха, но его всё не было.

Наступило забвение.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Гости

Поместье в Ново-Огарёво представляло собой комплекс старинных зданий изящной архитектуры. Но за этой дворцовой красотой скрывалась крепость: совершенные системы слежения, готовые засечь малейшую тень.

Бронированные стёкла главного корпуса могли выдержать прямой ракетный удар.

Внешние стены усилили.

Рабочие кабинеты — настоящие гермозоны: ни звук, ни луч не просочится наружу, полная тайна переговоров.

Другие комнаты оснащены видеосвязью и спецсвязью.

Отдельный блок — для отдыха Президента и его семьи.

В резиденции, как всегда, кипела работа. Одна встреча сменяла другую: главы регионов, министры, их заместители — вереница лиц, папок, рукопожатий.

А в это время в подмосковном небе два вертолётА АУРУС шли на крейсерской скорости.

Первый — для охраняемых персон.

Второй — вертолёт сопровождения, на борту — специальная группа обученных и вооружённых сотрудников Федеральной службы охраны.

По всему пути от аэропорта Внуково, вдоль маршрута, замерли стационарные системы ПВО. По земле, как тени, двигались мобильные группы прикрытия.

В тот день оба борта приблизились к внутренней, самой защищённой вертолётной площадке резиденции. Над зоной посадки они зависли на мгновение — и плавно коснулись земли.

На земле гостей уже ждали — ещё одна группа сотрудников ФСО, на этот раз в штатском.

Дверь вертолётА открылась. Двое мужчин в классических деловых костюмах ступили на посадочный круг. В них удивительным образом сочетались военная выправка, научная пытливость и чиновничья деловитость.

В руках у них ничего не было. Только браслеты на левом запястье — и на каждом крошечный плоский контейнер размером не больше сантиметра.

Встречающие немедленно окружили их и повели внутрь.

Обычно тем, кому назначен личный приём, приходилось ждать часами. График Президента — живой, меняющийся, плотный. Приглашение на доклад могло прийти через минуту, а могло — через пять часов.

Рядовые гости томились у дверей: переминались с ноги на ногу, хотя рядом стояли кресла и диван. Иногда садились, но не выдерживали и пятнадцати минут — вскакивали и начинали мерить коридор шагами.

Но в этот раз ничего подобного не было. Именно этот доклад двух важных персон требовал личного присутствия — и докладчиков, и самого Президента.

Из электронного дневника Айсин

Пятьдесят человек. Пятьдесят претендентов на участие в лунной миссии. Китайцы и русские. Нас всех отобрали из ещё большего числа кандидатов.

Молодые, здоровые, умные, сильные. Мужчины и женщины. Нам всем предстоит побороться за право отправиться на Луну и основать первую в истории человечества постоянную колонию за пределами нашей планеты.

Ещё пару лет назад я думала, что эта гонка проиграна американцам. Они совершили успешный облёт Луны, но нацелились колонизировать Марс. Однако всё обернулось чудовищной трагедией: вся их марсианская миссия погибла при спуске посадочного модуля.

Они долго готовились. Направляли к Марсу спутники, успешно посадили жилые модули и провизию. Но когда дошло до пилотируемой миссии — смерть команды.

Китайско-российский проект решил действовать осторожнее. У нас тоже есть цели отправиться на Марс, но через «лунный трамплин». Сперва опробуем силы на Луне, а уже потом направимся дальше.

Хм. Я сказала: «отправимся». Словно уже получила билет на участие во всех этих миссиях.

Нет, к сожалению. Ещё придётся превзойти лучших из лучших за это право.

Соберись, Айсин.

Аналитический отдел

Аналитический отдел Главного центра разведки космической обстановки, чьи специалисты только что прибыли в Ново-Огарёво, родился ещё в советские годы, на заре космической эры, и назывался иначе.

Тогда, как и сейчас, его задачей был сбор и расшифровка информации о любых угрозах из космоса.

Похожая структура была и в Соединённых Штатах: там её роль исполняло Национальное управление военно-космической разведки.

Обе организации работали под грифом абсолютной секретности. Они следили за чужими аппаратами, перехватывали сигналы — и открытые, и зашифрованные, — всё, что устройства, блуждающие в космосе, посылали на Землю.

Сведения, собранные за десятилетия наблюдений, скрупулёзно систематизировали и изучали. Результаты превращали в доклад, которому присваивали степень важности.

Особые доклады, где речь шла об угрозах государственного, планетарного или вовсе космического масштаба, обязательно выносили на уровень главы государства. Президент решал, стоит ли передавать вопрос в Совет Безопасности.

Немногим ранее такой доклад подготовили и перенесли на специальную карту памяти. Открыть её можно было только личным биометрическим ключом Президента. Прочсть информацию разрешалось либо прямо в аналитическом центре, либо в присутствии главы государства. В любом другом случае карта становилась бесполезной, а если данные не успевали прочитать в отведённый срок — они уничтожались.

Всё делалось для того, чтобы секреты подобного уровня доставались лишь узкому кругу аналитиков и Президенту.

Такие меры предосторожности были необходимы: никто не хотел повторения истории 2021 года, когда британская разведка умудрилась потерять секретные документы на автобусной остановке. Глава СВР и Президент тогда от души смеялись, называя тот случай либо «дешёвой постановкой», либо «актом чудовищной халатности».

Не стояли на месте и методы обработки данных. Здесь произошла настоящая революция.

После одного из закрытых заседаний Совета Безопасности утвердили проект — невероятно дорогой и масштабный. Он должен был вознести сбор и анализ информации на недостижимую для Китая и США высоту. Проект держали в абсолютном секрете.

Новая система должна была не просто работать быстрее. Она требовалась для глубокого, всестороннего сопоставления данных из всех мыслимых источников.

Например, она могла связать солнечную активность, положение Луны или Марса с социальными процессами на Земле, предсказывать бунты и революции, прогнозировать землетрясения, рассчитывать траекторию блуждающих небесных тел и угрозу их падения, просчитывать ход военных операций. В общем — всё, на что хватит фантазии, главное — поставить правильную задачу.

После утверждения началось строительство двух колоссальных объектов: Эвенкийской гидроэлектростанции и подземной научно-разведывательной агломерации с огромным квантовым суперкомпьютером на базе искусственного интеллекта.

Проекту дали кодовое имя «Триглав» — в честь древнеславянского бога, правящего небом, землёй и преисподней. Так же негласно называли и сам компьютер.

Оба объекта возводили в Красноярском крае. Место выбрали не случайно: «глубокий тыл» страны, низкая сейсмическая опасность, редконаселённая территория, высокая скрытность и эшелонированная воздушная и космическая оборона.

Миру проект представили как смелую мечту: строительство нескольких крупных городов на миллион жителей и больших гражданских предприятий. Даже устроили общественные слушания, где экологи и энергетики со знанием дела спорили «за» и «против» новой ГЭС.

Формальности соблюли — и стройка началась.

Саму станцию возводили почти открыто, по классической схеме. Но одновременно с ней вгрызались в землю многокилометровым тоннелем, уходящим на северо-восток.

ГЭС построили за три года — она должна была питать энергией проект «Триглав».

Сначала выбирали между гидро- и атомной станцией, но военные настояли: противник может поразить АЭС, и тогда заражёнными станут многие километры вокруг. Прорыв плотины не нёс таких рисков, а восстановить ГЭС куда проще, чем атомную станцию в отравленной местности.

Весь проект — с необходимым минимумом для запуска — уложился в пять лет.

Многоуровневое подземное царство поражало воображение. Квантовые вычислительные мощности, хранилища данных и системы охлаждения занимали огромные площади — всё дышало мощью и размахом.

Здесь оборудовали новейшие лаборатории, конференц-залы с трибунами для внутренних совещаний. А ещё — зону отдыха, досуга и спорта: продумано всё, чтобы человек не чувствовал себя замурованным заживо.

Отдельный уровень заняла спальная зона — на несколько квадратных километров, с апартаментами, где можно было забыть, что ты под землёй.

Особое внимание уделили логистике. Лифты, дороги, пешеходные и автомобильные маршруты, полосы для гироскутеров и сигвеев — всё продуманно и технологично.

Словом, для комфортной работы разведчиков предусмотрели буквально всё. Технический персонал чувствовал себя превосходно. Учёные и исследователи были в восторге от открывшихся возможностей.

Лучшие программисты России — а значит, одни из лучших умов на планете — трудились над созданием исходного алгоритма искусственного разума. «Триглав» должен был научиться систематизировать добытую информацию, анализировать её и выдавать прогноз.

В те месяцы Президенту регулярно приносили докладные записки. Руководители научных отделов описывали, как идёт обучение. Одна из записок гласила:

«ГОСПОДИН ПРЕЗИДЕНТ, ДОКЛАДЫВАЮ: «ТРИГЛАВ» ПРОШЁЛ ВСЕ ОСНОВНЫЕ ЭТАПЫ ОБУЧЕНИЯ. БЛАГОДАРЯ СОВМЕСТНОЙ РАБОТЕ БОЛЬШОЙ ГРУППЫ УЧЁНЫХ — ГУМАНИТАРИЕВ И ЕСТЕСТВОИСПЫТАТЕЛЕЙ — МЫ НАКОНЕЦ ДОБИЛИСЬ ТОГО, К ЧЕМУ СТРЕМИЛИСЬ.

ПОНАЧАЛУ «ТРИГЛАВ» ЧАСТО ОШИБАЛСЯ. НО МЫ КАЖДЫЙ РАЗ ПОДРОБНО РАЗБИРАЛИ ЕГО ОТВЕТЫ, УКАЗЫВАЛИ НА ОШИБКИ И — ГЛАВНОЕ — ОБЪЯСНЯЛИ, ПОЧЕМУ ОН НЕ ПРАВ. ПРИ ПОВТОРНОМ АНАЛИЗЕ ОН УЖЕ УЧИТЫВАЛ НАШИ ЗАМЕЧАНИЯ И ДАВАЛ БОЛЕЕ ТОЧНЫЕ ЗАКЛЮЧЕНИЯ. МЫ ПОВТОРЯЛИ ЭТОТ ЦИКЛ СНОВА И СНОВА — ДО ТЕХ ПОР, ПОКА УЧЁБА НЕ ПЕРЕШЛА В САМО-ОБУЧЕНИЕ.

ЗАЛОЖЕННЫХ НАМИ АЛГОРИТМОВ ПРОВЕРКИ ОКАЗАЛОСЬ ДОСТАТОЧНО, ЧТОБЫ ЗАПУСТИТЬ САМОРАЗВИТИЕ «ТРИГЛАВА». ТЕПЕРЬ МЫ ЛИШЬ СТАВИМ ПЕРЕД НИМ ЗАДАЧУ. ОН САМ ПРИХОДИТ К МНОЖЕСТВУ ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫХ ВЫВОДОВ, СОПОСТАВЛЯЕТ КАЖДЫЙ ИЗ НИХ С ЗАКОНАМИ ВСЕХ ЕСТЕСТВЕННЫХ И ГУМАНИТАРНЫХ НАУК — И БЕЗЖАЛОСТНО ОТБРАСЫВАЕТ НЕСОСТОЯТЕЛЬНЫЕ.

НЫНЕШНИЙ УРОВЕНЬ ЭТОГО ИНТЕЛЛЕКТА ТАКОВ: ОН СПОСОБЕН НЕ ПРОСТО ДАТЬ ОТВЕТ ПО ЗАДАНЫМ ПАРАМЕТРАМ, НО И ПОСТРОИТЬ НЕВЕРОЯТНО ТОЧНЫЙ ПРОГНОЗ РАЗВИТИЯ ЛЮБОГО ПРОЦЕССА.

БЕЗ ВСЯКОГО ПРЕУВЕЛИЧЕНИЯ СЧИТАЕМ: МЫ СОЗДАЛИ СОВЕРШЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫЙ ИНСТРУМЕНТ. О ХОДЕ ДАЛЬНЕЙШИХ РАБОТ БУДЕМ, КАК И ПРЕЖДЕ, ДЕРЖАТЬ ВАС В КУРСЕ».

Но приходили и другие докладные — с сомнениями в этичности и безопасности такого «оружия». Именно этот термин использовали те, кто обосновывал свою позицию.

Однако Президент и Совет Безопасности считали, что все риски учтены. Искусственный разум наглухо замкнули в границах проекта — у него не было лазейки выйти в сеть. Его можно было обесточить за мгновения. Но главное: интеллект не обладал и не мог обладать собственной волей для принятия решений.

В базу «Триглава» загрузили всё, что человечество копило тысячелетиями: математику и физику, астрономию и географию, геологию и историю, социологию, экономику, медицину, военное дело, экологию.

А когда туда же внесли данные из сферы ответственности Отдела разведки космической обстановки — всю информацию о космосе, — перед аналитиками поставили задачу: научить «Триглав» прогнозировать угрозы — государству, гражданам и всей человеческой цивилизации.

Вот как это работало. Допустим, в систему вводили параметры небольшого космического тела и его траекторию. «Триглав» сопоставлял эти цифры с движением Земли и другими объектами. Он определял, грозит ли столкновение, вычислял точку входа в атмосферу, выяснял, долетит ли тело до поверхности — и если да, то где именно упадёт. А затем накладывал координаты падения на географические и социальные данные. На выходе получался чёткий прогноз: сколько людей окажется в зоне риска и во что это обойдётся экономике.

Задачи ставили всё сложнее. И в какой-то момент «Триглав» выдал сведения, которые поначалу показались фантастикой.

В одном из отчётов он заявил: в обитаемой зоне нашей звезды есть небесные тела, совершенно неизвестные человечеству. Метеоры, кометы, астероиды — всех размеров и масс. Он не просто перечислил их — он показал всё и даже определил вероятное строение.

Аналитики решили: ошибка. Но «Триглав» построил точную трёхмерную модель и наглядно продемонстрировал движение этих тел. Он опирался на данные со спутников, работавших на орбитах Венеры, Земли и Марса, которые, как говорилось в отчётах, «замеряли электромагнитные и гравитационные колебания космического пространства».

«Триглав» изучил эти колебания, сопоставил с другими известными данными и выдал заключение: в такой-то точке космоса просто обязан находиться ранее неизвестный объект. Проверили — всё подтвердилось до мельчайших деталей.

Это было невероятно.

Доклад

Президент обменялся рукопожатием с каждым из аналитиков. Те представились по всей форме — хотя он и так прекрасно знал их.

Один руководил отделом, второй был его подчинённым.

Старший потянулся к браслету, извлёк карту памяти и передал её Президенту. Тот вставил носитель в слот большого гибкого экрана.

— Открыть доклад, — произнёс Президент.

Сканер считал биометрию главы государства и провёл голосовую идентификацию. Только после этого доклад открылся.

— Докладывайте, — коротко бросил Верховный.

— Как вам известно, господин Президент, мы уже несколько месяцев активно используем «Триглав» в разведке. Результаты потрясают — вам об этом известно.

Так вот, несколько недель назад, сразу после запуска «Триглава», наш отдел начал загружать в него общедоступные и перехваченные данные с аппаратов «Новые горизонты», «Вояджер-1», «Вояджер-2», «Пионер-10» и «Пионер-11». Все они — самые дальние из ушедших в глубину космоса.

Не буду углубляться в функционал каждого. В общем: они регистрируют электромагнитные поля планет-гигантов — Юпитера, Сатурна, Урана, Нептуна. Делают инфракрасные и ультрафиолетовые замеры, изучают состав атмосферы, уровень радиации. На них стоят детекторы космических лучей и межпланетной плазмы. Всё это мы загрузили в «Триглав».

Докладчик сделал паузу, словно подбирая слова, и продолжил:

— Буквально через несколько минут поступил первый отчёт. Коллеги сочли его некорректным. Мой коллега разберёт первые два доклада детально.

— Прошу, — руководитель отдела указал на экран.

Тот, с лёгким волнением, открыл первый отчёт.

— Как видите, он содержит исследовательскую и заключительную части. Статуса особой важности у него нет, но Интеллект просит немедленно проверить его корректность — потому что выводы не соответствуют астрофизическим и астробиологическим законам.

— Астробиологическим? — удивился Президент.

— Именно. Прошу немного терпения, мы скоро к этому вернёмся.

«Триглаву» дали гравитационные параметры планет-гигантов и траектории их движения. Ему известно всё, что накопила астрономия. Перечисленные аппараты направлялись к планетам-гигантам, а затем должны были покинуть Солнечную систему.

Для разгона использовали гравитационный манёвр, или «гравитационную пращу». Если просто: Юпитер захватывает аппарат, раскручивает и выбрасывает дальше.

Для такого манёвра нужны точнейшие расчёты: допустимое сближение с планетой, точка схода с орбиты, скорость самой планеты и многое другое.

«Триглав» обнаружил электромагнитную и гравитационную аномалию, которая не соответствовала ни размерам планет, ни другим параметрам.

Докладчик выдержал паузу и продолжил:

— «Триглав» подробно описал все свои выводы. Наша команда проверила каждую формулу, каждый график, все симуляции.

Мы не верили, но снова и снова приходили к одному: логика «Триглава» безупречна, а параметры полёта аппаратов, опубликованные NASA, — либо ошибочны, либо намеренно искажены.

Одни аппараты должны были выйти из-под гравитации раньше, другие — набрать меньшую скорость, но они двигались неестественно быстро. Есть и другие странности. Некоторые, вместо ускорения, получили замедление — словно на них действовало избыточное притяжение.

NASA публиковало данные о замедлении «Пионеров». Власти США почему-то не скрыли эти данные. Тогда в астрономическом сообществе были дискуссии. В 2012 году NASA объяснило торможение тепловым излучением самих аппаратов — оно создавало сопротивление.

Расчёты выглядели убедительно. Но «Триглав» разобрал всё до мельчайших деталей и доказал: не всё так просто.

Наша команда, хоть и неохотно, признала расчёты «Триглава» верными. Интеллект понял, что новых вводных у нас нет, и его выводы не требуют корректировки.

Мы переформулировали запрос и попросили «Триглав» определить возможные причины аномалий. Второй отчёт поступил незамедлительно.

Аналитик вывел на экран второй отчёт.

— Здесь трёхмерные модели формирования вокруг планет-гигантов дополнительной гравитационной и энергетической массы.

«Триглав» определил: потенциал накапливается не внутри планет, а на их орбитах, создавая слабые колебания. Планеты-гиганты «потряхивают» — значит, источник внешний.

Из отчёта следует: действуют неизвестные науке сверхмалые частицы. Они накапливают массу и энергию, группируются в структуры, опоясывающие планеты. Эти структуры растут со временем.

Их нельзя увидеть, но можно зафиксировать косвенно.

Во втором отчёте «Триглав» утверждает: эти колоссальные массы частиц обладают огромным энергетическим потенциалом и могут отделиться в любой момент.

Представьте метание молота. Спортсмен раскручивает шар на проволоке и мечет. Так и планеты-гиганты — спортсмены, а накопленная энергия — молот, — закончил аналитик.

Президент слушал, сохраняя внешнее спокойствие. Гости выдержали паузу, и слово взял руководитель отдела:

— Честно говоря, мы сначала восприняли эти два отчёта как любопытную головоломку. Но обратите внимание на нижний блок второго отчёта — на рекомендации «Триглава». Он советует немедленно предоставить данные о социально-экономическом развитии стран и сформировать запрос с максимальной творческой свободой.

Проще говоря, «Триглав» попросил не ограничивать его узкими рамками, а дать возможность всесторонне проанализировать происхождение аномалий и спрогнозировать угрозы для всей звёздной системы и человечества.

Мы так и сделали. Загрузили самые свежие секретные данные об экономике, населении, ресурсах, динамике развития в исторической ретроспективе.

Третий отчёт получился масштабным, и «Триглав» присвоил ему статус сверхважности.

Докладчик вытер пот со лба — он сам не верил в то, что сообщал. Но, сохраняя научный тон, продолжил:

— Господин Президент, я изложу выводы коротко.

Первое. На орбитах планет-гигантов есть частицы, накапливающие гравитационный и энергетический потенциал. Их количество росло постепенно. Сегодня Молоты близки к пределу, при котором планеты могут удерживать их без вреда для своих орбит.

Второе. Эти частицы — искусственные. Их структура — результат мыслительного труда, технология крайне продвинутая.

В России подобных разработок не вели. Поэтому «Триглаву» и понадобились данные об истории, экономике и социологии всех стран. Анализ точен.

Ни одна из стран сегодня не способна создать такие частицы.

Более того: количество частиц указывает на деятельность цивилизации второго типа. Человечество сегодня трудно отнести даже к первому.

С уверенностью можно сказать: в нашей звёздной системе действует нечеловеческая цивилизация.

Третье. Триглав спрогнозировал возможные варианты применения Молотов — исходя из их размеров и накопленной мощности.

В мирных целях использовать их нельзя.

Если попытаться разогнать Молотом межпланетный корабль — он разорвёт его. Чтобы отклонить опасный астероид, хватило бы ничтожной доли сконцентрированной энергии.

Триглав перебрал все варианты, опираясь на данные о военной и социальной психологии.

Если у противника мораль, схожая с человеческой, то самая вероятная причина накопления энергии — агрессия против нашей цивилизации.

Президент внешне оставался спокоен, но в глазах читалось неприятие. Масштаб угрозы казался непостижимым. Однако политический и разведывательный опыт, а также прежние отчёты «Триглава» убеждали: информация не беспочвенна. За последние месяцы прогнозы Интеллекта по другим сферам — в том числе военным — сбывались с поразительной точностью.

Руководитель отдела продолжил:

— Четвёртое. Аналогичные частицы, вероятно, есть и на орбите Земли. Но они работают иначе — не как оружие, а как барьер.

Триглав утверждает: на Земле существует механизм, который анализирует угрозы и мобилизует барьерные частицы. Вся история наблюдений доказывает: тысячелетиями что-то спасало нас от вымирания из-за космических объектов. Пример — Тунгусский прецедент. Триглав рассчитал параметры того тела, смоделировал траекторию и показал, что без защитного механизма мы бы вымерли, как динозавры.

В отчёте много таких примеров. Триглав не смог определить «центр управления», но он точно не на орбите — значит, на Земле.

Мощь Молотов слишком велика. Её, вероятно, достаточно, чтобы разрушить земной Барьер. Если Молоты атакуют — нам, скорее всего, конец.

Мы разобрали отчёт до запятых. Он чудовищно убедителен.

Мы не знаем того мира, который хотим освоить. Но самое страшное — возможно, у нас уже нет времени.

— Если я правильно понял, ваша группа неоднократно перепроверяла отчёт, — спросил Президент с напускным спокойствием. — Привлекали смежные отделы?

— Да. Мы привлекли отделы естественных наук. Отчёт проверяли и наши специалисты, и их. Выводы совпадают. Был организован консилиум. Мы всё взвесили — и не раз. Заключение однозначное: отчёт имеет твёрдое научное основание, — ответил руководитель.

После пары долгих минут президентского молчания и неловкого ожидания гостей Глава государства твёрдо скомандовал:

— Соберите группу для доклада Совету Безопасности. Помощники проводят вас в соседний кабинет, по спецсвязи соединят с Проектом. Отберите нескольких сотрудников из смежных отделов, которые помогали вам в анализе, — к концу дня они должны быть здесь. Затем вас проводят в апартаменты. Отдохните и будьте готовы к заседанию.

Из электронного дневника Аглаи

Нам сказали вести электронные дневники.

Та-дам! Привет, дневник!

Я наконец решила сообщить родителям, что меня отобрали для участия в лунной миссии. Теперь предстоит долгая подготовка — в России и Китае.

Это ещё не окончательный состав. Лишних отсеют. Я могу и не пройти квалификацию.

Папа с мамой выслушали меня. Папа сиял от гордости. Мама лишь сухо сказала: «Молодец». Но я заметила — она не доверяет моему рвению.

Я случайно подслушала их разговор на кухне. Мама сказала, что хотела бы, чтобы я провалилась... Не хочет, чтобы единственная дочь летела в космос.

Конечно, я расстроена. Но я такая же упёртая, как она. Не отступлюсь. Такой шанс выпадает раз в жизни.

Ну... на первый раз достаточно.

Пока-пока!

Сбор постоянных

После доклада аналитики отправились в соседнее помещение, а затем — в гостевые апартаменты, как и велел Президент. Они чувствовали: задачу выполнили — донесли до него всю важность того, что уже происходит и вот-вот нагрянет.

Глава государства остался в кабинете. Пригласил другого помощника. Тот вошёл, замер в ожидании.

— Свяжитесь с постоянными членами Совбеза. К ночи — самое позднее — они должны быть здесь. Пусть сожмут графики, но запланированные встречи по возможности проведут. Не успевают — перенесут. Все, кто за рубежом, — немедленно назад и сразу в резиденцию.

Холодный, расчётливый взгляд Президента остановился на большом экране, где ещё минуту назад демонстрировались невероятные вещи. Это всколыхнуло в памяти детали только что услышанного доклада, но не отвлекло от происходящего здесь и сейчас.

— Организуйте всё так, чтобы не выглядело экстренным заседанием. Наши друзья и противники могут неверно истолковать. Привлекать внимание не нужно. Явка постоянных членов должна остаться тайной. Хотя бы некоторых из них. В идеале — чтобы об этой встрече вовсе не знали, но боюсь, это невозможно. Как минимум, никто не должен узнать, что Совет собирается в полном составе. Нам нужно выиграть хотя бы несколько дней, чтобы здраво всё обдумать. Исполняйте.

Помощник немедленно покинул кабинет.

Аппарат Президента всегда жил в напряжении, но в воздухе появилось дополнительное электричество. Все помощники были заняты звонками и логистикой. Подобное случалось лишь при обсуждении крупных спецопераций, судьбоносных решений или когда требовалось обозначить границы допустимого для недоброжелателей за рубежом.

Обычно при созыве Совета Безопасности членам сообщали код, по которому они определяли важность темы. Часто собрания проводили демонстративно — чтобы враги поняли серьёзность намерений и решительность руководства. На этот раз кодов не дали.

Явиться следовало тайно. Такой порядок выходил за рамки протоколов.

Постоянные члены, получившие вызов, сразу поняли: речь пойдёт о стратегически важной информации, масштаб которой выходил за пределы всего известного им раньше. И главное — не существовало механизмов реагирования на то, что им предстояло услышать. Собрание созывалось не для утверждения уже принятого решения или обсуждения готового протокола. Предстояло создавать этот протокол с нуля. И, судя по тайному и экстренному сбору, — немедленно.

Ожидалась большая работа.

К 22:00 в резиденцию прибыла группа учёных. Трое специалистов — математик, астрофизик и астробиолог — присоединились к аналитикам. Всех разместили в гостевых апартаментах, предоставили переговорную для подготовки к собранию.

Некоторые члены Совета, находившиеся в Москве, прибыли конспиративно — через тайные логистические каналы.

Ещё двое приехали кортежами — на уровне глав регионов. Для прикрытия параллельными рейсами в Москву действительно прибыли губернаторы Нижегородской и Владимирской областей; их разместили в столичных отелях. А в кортежи сели заместитель Председателя Совета Безопасности и директор ФСБ.

Остальные члены Совета прибыли в стандартном сопровождении.

Министр обороны и министр иностранных дел на момент уведомления находились в зарубежных командировках. Их ждали дольше всех.

Состав стал полным только к двум часам ночи.

Получив сигнал, группа докладчиков от «Триглава» и постоянные члены Совета Безопасности направились в конференц-зал.

Помещение делилось на две зоны: демонстрационную и совещательную.

Первая — с дополненной реальностью и трёхмерными симуляциями, создававшими эффект полного погружения.

Вторая — удобные кресла с выдвигаемыми столами, расположенные по кругу, чтобы всем было удобно сохранять зрительный контакт.

На лицах членов Совета читалось недоумение. Никто не имел понятия о причине столь срочного сбора. До этого они подходили друг к другу, пытались выяснить детали — но никто ничего не знал.

Секретарь, согласно протоколу, объявил структуру встречи.

Постоянные члены по его указанию расположились в актовой зоне.

— Собрание Совета Безопасности объявляю открытым. Время начала — 02:17 по московскому времени. Постоянные члены присутствуют в полном составе. Докладчики — делегаты проекта «Триглав». Имена, должности и звания будут объявлены однократно, в начале выступления каждого спикера. Протокол ведёт помощник секретаря. Докладчики, прошу! — объявил секретарь.

Доклад довели до членов Совета. Президент внимательно слушал и вглядывался в лица.

Группа «Триглава» распределила части выступления в соответствии с компетенциями каждого.

Прозвучала вводная историческая часть. Детально разобрали функционал каждого космического аппарата, чьи данные подверглись анализу. На трёхмерных симуляциях показали траектории полёта. Представили визуализацию аномалий. Доказательно продемонстрировали несоответствие между данными NASA и расчётами Интеллекта.

Показали модели «Молотов» и вероятные сценарии их применения.

В 5:41 утра доклад закончили. Объявили получасовой перерыв.

Неверие и полное непонимание читались на лицах членов Совета Безопасности. А это были очень сильные, закалённые люди.

Из электронного дневника Айсин

Сегодня я проснулась очень рано, когда все в тренировочном лагере ещё спали. Со странным ощущением внутри... будто я кому-то нужна. Кто-то присматривается ко мне. Не здесь... не на этой стороне.

Я не поняла своих ощущений. Стоило открыть глаза — и чёткая логика этого мира стёрла зыбкую логику сна.

Но в первую же секунду меня накрыла полная собранность, которую я не могла объяснить. Разум и тело — как единое целое. Силы били через край.

Я решила, что это просто перенапряжение: месяцы подготовки к лунной миссии даром не проходят.

Только бы никто из ребят ничего мне не подмешал. Если я завалю анализы — вылечу, не успев вымолвить слово «Луна».

Конкуренция жестокая. Группа русских и китайских ребят уже подсидела некоторых товарищей. Их исключили: якобы они не командные игроки и не умеют налаживать контакты. А в космосе это неприемлемо.

С мужчинами я не конкурирую — у них свой отбор. Но борьба с девушками не легче. Я стала очень подозрительной.

Всё время приходится доказывать своё место. Показывать, что я и белая, и пушистая, и сильная, и выносливая. Такое редко сочетается в одном человеке, но я пересилила себя.

Пару дней назад вернулась с полигона — меня сразу сунули в центрифугу. Не дали перевести дух. Раскручивали так, что кишки просились наружу. Мне казалось, я на грани. С другими так ещё не поступали.

Даже Юси, самая опытная из нас, пока не проходила через такой стресс-тест.

Какой-то сумбур мыслей...

Но мне нужно хоть что-то записывать, чтобы не держать всё в себе.

Ещё этот сон... и странная светящаяся нить.

Нить...

После перерыва

Короткий перерыв понадобился, чтобы разум переварил услышанное.

Члены Совета были потрясены: у планеты есть механизм самозащиты, о существовании которого без суперкомпьютера невозможно было бы догадаться.

Примеры, показанные докладчиками на основе расчётов ИИ, говорили об одном: механизм работает как минимум несколько миллионов лет.

Некоторые члены Совета сидели с каменными лицами, но внутри всё клокотало. Кто-то незаметно сжимал подлокотник кресла, кто-то снова и снова проводил ладонью по подбородку. Один из генералов, повидавший на своём веку немало страшного, впервые за много лет почувствовал холодок на спине. Сохранять внешнее спокойствие удавалось с трудом.

— Господа, перерыв окончен. Прошу всех занять места в совещательной зоне. Докладчикам быть готовыми к ответам на вопросы, — объявил секретарь Совета Безопасности.

— Исходя из доклада, американцы работают над аномалиями десятки лет. Не имея квантовых мощностей и обученного ИИ, сколько времени им понадобится, чтобы прийти к выводам Триглава? — Президент спросил спокойно, словно речь шла о рядовом докладе.

Ответ держал руководитель отдела аналитиков. Говорил твёрдо, хотя внутри сжимался от осознания собственных слов.

— Американцам должно быть известно о структурах на орбитах планет-гигантов. У них были десятилетия вычислений. Именно они владеют исходными данными со своих аппаратов. Сопоставить их, чтобы сделать предварительные выводы, — недолго. Уверен, об аномалиях им известно давно.

Что касается боевого потенциала Молотов. Без суперкомпьютера остаётся только гадать. Нужно тончайшее сопоставление параметров и огромные мощности, чтобы отсеять нежизнеспособные версии. Сейчас такие мощности есть только у нас.

Он перевёл дух:

— Допускаю, за эти годы они могли понять природу структур. Возможно, сходятся во мнении, что структуры искусственны. Если так, американцам нетрудно предположить применение этой мощи против человечества. Такие гипотезы у них наверняка есть. Но без интеллектуального оружия вроде «Триглава» сделать однозначный вывод об угрозе невозможно.

— Что им точно не может быть известно? — спросил Президент.

— Они не знают о защитном Барьере Земли. О сроках его существования и принципах работы. Без суперкомпьютера это не определить. Барьер работает тонко. Барьер действует избирательно — любые инциденты за всю историю можно списать на погрешность, если считать прежними методами.

Зампред Совбеза, до этого сидевший с непроницаемым лицом, подался вперёд. В его голосе прозвучало напряжение.

— Триглав рассчитал мощность Молотов и вероятный предел Барьера. Говорит ли это, что противник понимает: ударный кулак собран и можно атаковать? Их технологии и мощности явно выше наших. Может ли Триглав сказать, когда ждать атаку?

— Да, уровень мощности Молотов таков, что атаки можно ждать уже сейчас. Защита, вероятно, не выстоит, исходя из данных. Но Триглав допускает: потенциал Барьера не раскрылся полностью — не было угроз, требующих большего. Есть возможный люфт. Барьер может оказаться мощнее. Но мы обязаны исходить из того, что противнику действительная мощность щита известна. Атаку следует ждать в любой момент.

Директор ФСБ медленно перевёл взгляд на докладчиков. В его тоне — ни паники, ни страха, только холодное любопытство разведчика.

— Есть понимание — кто они? Как выглядят? Чем руководствуются? «Триглав» способен построить сценарий их действий после разрушения Барьера?

Астробиолог волновался, пальцы дрожали, но голос держал твёрдо:

— Триглав — результат человеческого творчества. Он просчитывает, опираясь на наши знания, технологии, историю, мораль и психологию. Но в части мотивов неизвестной цивилизации с неизвестными технологиями мы выходим за пределы точных знаний.

Учёный сделал паузу, собрался с мыслями:

— Триглав убеждён в своих выводах. Он мыслит как человек. Но мы не можем с уверенностью сказать, является ли человечество целью. Не можем утверждать, нацелен ли противник на уничтожение жизни как таковой.

Однако, как ни прискорбно, в вопросах астробиологии и логики мы склонны считать позицию Триглава заслуживающей внимания.

Попробую проще.

Очевидно, неизвестная цивилизация разумна, использует физические технологии. Значит, у них должны быть развитый мозг, нервная система, органы чувств и конечности. Это общие выводы о возможной внешности.

Теперь косвенные данные. Триглав утверждает: гравитационная масса Молотов такова, что не влияет на орбиты планет-гигантов. Да, их потряхивает — но орбита и наклон оси прежние.

О чём это говорит? — астробиолог сам задал вопрос и ответил.

— Противник не нацелен на разрушение гравитационного баланса. Им нужно сохранить сложившееся движение планет.

Мы достаточно изучили Солнечную систему: человечество — единственный разумный вид в её пределах. Следовательно... они нацелены на нас.

Он перевёл дух. В зале — тишина.

— Триглав говорит: мощность Молотов избыточна и может уничтожить жизнь на Земле. Но это верно, если считать, что Барьер не имеет дополнительного потенциала.

Расчёт мощности Барьера делался по тем угрозам, с которыми Земля сталкивалась. У Барьера не было случая показать всю силу. Если так, то Молоты сгенерировали мощность, нужную для разрушения Барьера. Значит, противник не заинтересован уничтожить жизнь на Земле.

Он шагнул к экрану, обвёл взглядом членов Совета.

— Если Барьер падёт, их цивилизация без труда сотрёт человечество. Значит, Земля либо пригодна для них, либо поддается терраформированию. А значит скорее всего, у них схожая дыхательная система и они могут потреблять земную пищу.

И последнее — сам Барьер. Триглав утверждает: у Молотов и Барьера общие принципы функционирования. Возможно, создатели Барьера и те, кто хочет его разрушить, — один вид.

Но нельзя исключать другой вариант. Эта цивилизация раньше пыталась колонизировать Землю, но столкнулась с Барьером. Им пришлось создать Молоты как единственное средство его пробить. То есть технологии развивались параллельно.

Учёный вытер лоб — в зале стало жарко.

— Итог: нам угрожает разумная цивилизация, способная освоить Землю. Противник не хочет уничтожать планету, но и не нуждается в человечестве как конкуренте. Предположительно, он нацелен на ликвидацию или порабощение людей после разрушения Барьера. Иначе нашли бы способ связаться без разрушения.

Какими методами — гадать бесполезно. Они на другой ступени технологического развития.

— Каковы гипотезы происхождения Барьера? — спросил Президент.

Астробиолог развёл руками. На его лице впервые появилась тень беспомощности.

— Неизвестно. Ни учёные, ни Триглав не могут дать ответа. Допускаем, что кто-то действовал на планете ещё до появления человечества. Но это лишь догадки. За всю историю археологии не найдено ничего необъяснимого. Ни одного следа сверхразвитой цивилизации миллионы лет назад. Только сам Барьер. Откуда он взялся — белое пятно.

Из электронного дневника Кэсинь

Ещё полгода назад я, не уступая мужчинам, вела постоянное патрулирование воздушного пространства Китая на самом современном истребителе в мире.

Да-да... Русские и американцы, наверное, рвали бы мне волосы за такое заявление, но я правда считаю: моя птичка — лучшая.

Но сейчас я уже очень давно не сидела за штурвалом.

Девочки классные. Кажется, мы хорошо ладим. Но никакая дружба и товарищество не заменят любовь к небу и то чувство свободы.

Сейчас я всего этого лишена.

Первые месяцы — бесконечные анализы, физподготовка. Аппаратные испытания на выносливость. Погружение в скафандрах в бассейн, выполнение простейших задач.

Полёт я вижу только в дни имитации невесомости.

Как я устала... Но я ни слова не скажу об этом девчонкам, а тем более нашим «мозго-правам». Меня тут же попрут отсюда.

Хотя... может, сказать? Тогда смогу вернуться к своим полётам.

Президент коротко кивнул секретарю. Жест едва заметный, но все поняли — доклад можно заканчивать. Пора ставить задачи и продумывать стратегию.

Следующие обсуждения только с постоянными членами Совета.

Был объявлен перерыв.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.